Эпоха пепла

Автор:
Юта Мирум

Эпоха пепла

Юта Мирум

#ONLINE-бестселлер

В тени Владык у Мертвого моря испокон веков живут маги, наделенные великой силой.

Среди них скрывается Джонас – наследник старинной семьи, волею судеб родившийся без жизненно необходимого дара. В мире, где нет места бессильным магам, его секрет известен только Айе – дочери правящего монарха, едва избежавшей казни десятилетие назад.

Во время ежегодного состязания за трон Айя находит способ раз и навсегда защитить друга от разоблачения. Принцесса тут же приступает к осуществлению плана, не подозревая, что для этого ей придется пожертвовать слишком многим…

Юта Мирум

Эпоха пепла

© Юта Мирум, текст и иллюстрации, 2019

© Shutterstock Inc., фотография на обложке, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Пролог

Пусть каждый человек, что ходит под тенью Владык, знает: сегодня Тенебрис пируют среди народа. Прошедшей ночью они пленили разум ребенка; использовали дитя как безвольное орудие. Черное пламя, сойдя с детских ладоней, смело южную часть столицы, к рассвету оставив от нее только выжженную землю. Перед огнем невиданной мощи оказались бессильны и стихийные маги, и монаршие защитники. Десятки людей погибли этой ночью. Те же, кто, потеряв в пожаре детей, родителей, возлюбленных, сами остались живы, отчаянно молили Санкти ниспослать убийце не менее жестокую и мучительную смерть.

Они собрались ранним утром на берегу у холма, где высилось родовое гнездо Драконов. У окна – единственной связи с разгневанным внешним миром – замерла шестилетняя девочка. Дочь короля с ужасом наблюдала за толпой. Люди собирались в кучи, поджигали факелы, готовясь штурмовать поместье. В воздухе звенело имя убийцы, рокотом оглашая бескрайние просторы моря. Люди вкладывали в него ненависть, отравившую душу, ярость, искажающую помыслы, и желание отомстить, разъедающее нутро подобно смертельной болезни.

– Айя! Айя! Айя! – кричали до хрипа истерзанные горем маги, позабыв о том, как благоволили дочери короля всего пару дней назад.

– Айя! Айя!

Девочка села на пол у окна, закрыв уши руками. Она верила, что все вокруг – костры, стоны, ее черные руки, сожженные до самых плеч рукава платья – это страшный сон, и ей давно пора проснуться.

– Айя! – раздался тревожный голос совсем рядом, и слезы покатились по щекам – дитя, путаясь в собственных ногах, с громким всхлипом бросилось на руки к матери, замершей у двери. В углу комнаты вздрогнул маленький Джонас, выронив деревянный меч. Теперь их защитит королева.

Женщина упала на колени, выпуская Айю из объятий. Она искала пропавшую дочь всю ночь, опасаясь, что в горькой ярости своей горожане свершат самосуд над ее ребенком. Получив весть от драконьего главы, королева взяла себя в руки. Айя в безопасности среди могущественных защитников другого рода, но и у их дверей уже собрались те, кто винит шестилетнего ребенка в пожаре. Дикое, безумное обвинение, которому она никогда бы не поверила, не будь сейчас руки Айи черными от копоти до самых локтей.

«Значит, правда».

– Пойдем, моя родная, быстрее, – прошептала королева, целуя мокрые щеки девочки. Она вывезет свое дитя из королевства, и любой, кто преградит им путь, погибнет. – Джонас, – позвала женщина, и в груди шевельнулась тревога за чужого ребенка, – оставайся здесь. Тебя не тронут. Твоя мама внизу, не бойся. Драконы охраняют поместье, и никто не проникнет внутрь.

Мальчик, вытерев потные ладошки об штаны, серьезно кивнул, поверив ей на слово.

Из коридора донесся невнятный шум. Королева среагировала мгновенно – закрытая дверь в комнату вспыхнула пламенем. Синие языки разлились по деревянному полотну, не задевая его; вытянулись стрелами, угрожая непрошеным гостям. В коридоре послышались невнятная возня и тихие голоса – похоже, мужчины по другую сторону двери не могли решить, кто будет бороться с супругой монарха. А после разом умолкли.

Ее величество заградила собой дочь и коротко приказала Джонасу спрятаться за плетеной качалкой. Из комнаты был только один выход – через дверь, и если горожане прорвались, то дорогу предстояло расчистить силой.

Синий огонь на двери, уступая натиску чужой силы, растаял в считаные секунды; незащищенное полотно треснуло, словно щепка, и вылетело из рамы в коридор, будто выдернутое невидимым крюком. Айя испуганно пискнула, прижимаясь к ногам матери.

Лицо человека, показавшегося в пустом проеме, было мокрым от пота; ему стоило больших усилий оказаться здесь вовремя. Взгляд незваного гостя остановился на ребенке. Мужчина глубоко вздохнул, набираясь сил, и тут же поморщился – в ноздри ударил запах гари. Он шлейфом тянулся от малолетней убийцы, будто проклятый огонь все еще пылал где-то внутри ее пухлого тельца.

– Не смей, – пригрозила королева, пряча свое чадо за юбками траурного платья. Под взглядом короля его супруга дрожала как осиновый лист. – Айя не виновата. Треклятые Тенебрис воспользовались моим ребенком. Нашим ребенком! Я не отдам еще и ее! Прошу, Азариас, – в словах женщины отчетливо слышалась мольба, – пощади! – взвыла она, надеясь, что король уступит ее натиску. – Я спрячу Айю, увезу на край континента, к поселениям у Дикой пустоши. Она умрет для всех, но не для нас. Прошу, только дай нам уйти!

Из груди монарха вырвался сдавленный стон. Он старался смирить гнев от слов супруги. Отчаяние затуманило разум королевы, раз она не видела тупика, в котором вот-вот должна была оказаться, поддавшись панике. Он же не имел права уподобиться женщине, иначе мог стать уязвимым. Проигрыш, равносильный смерти.

Стражи в коридоре зашевелились, взволнованные заминкой.

– Сбежишь – значит, на весь мир признаешь вину Айи. Ты обернешь против нас и народ, и служителей Санкти. Очнись, Миранда, – приказал правитель, но королева не спешила отдавать дочь на его милость. Руки женщины загорелись пламенем. Ради жизни Айи она готова была пойти не только против мужа, но и против самих Владык. – Прекрати, ты пугаешь детей! – возмутился он, увидев, как сжался маленький Джонас, прячась за качалкой. Как вести себя при драке монархов, младшего сына Драконов не учили.

– Мы все останемся в столице и остудим гнев народа. Я проведу суд и докажу, что Айя невиновна. Слышишь, Миранда? Она не умрет! – не выдержав, прорычал король, видя, что его слова не действуют на женщину. Азариас в пару широких

шагов сократил расстояние до Миранды. Перехватив занесенную для удара руку, он насильно подвел королеву к окну. Айя, не выпуская юбки матери, потянулась за ними, не понимая, отчего отец так строг.

– Пожар, забрав столько жизней, вернул нам Владыку. Наша дочь разбудила от вечного сна Санкти, который столетия был не более чем мертвым! Посмотри, – приказал Азариас. Он распахнул створки окна наружу, и морозный воздух ворвался в комнату.

Монарх указал на небо.

– Видишь, как быстро рассеивается смог? Это движется хвост Владыки. Ну же, присмотрись! За облаками его еще плохо видно, но когда взойдет солнце, не останется тех, кто не увидит. Санкти над столицей ожил, и это спасет нашу дочь. Мы докажем, что чудо произошло только благодаря ей. Что ее руками руководили не Тенебрис, а сами Санкти, и загубленные в пожаре жизни – требуемая ими плата за Владыку. Смотрите все! – прокричал король в окно, и его звучный голос привлек внимание людей на берегу. Они подняли головы к небу, куда указывал правитель. На лицах, еще мокрых от горьких слез, появились первые улыбки. Ненависть горожан таяла с каждым новым вздохом.

– Наш Владыка, наш Создатель ожил!

Одинокий возглас стал началом. Люди повторяли слова будто заговоренные, скандируя их во весь голос, до рези в горле. После большой потери их ждет новый рассвет.

Джонас, перепрыгнув через деревянный меч на полу, оказался у окна рядом с Айей. Что еще преподнесет им эта ночь? Пусть проклятье и выжгло земли, но небо отныне разливалось чудом. В темноте ночного купола, за перистыми облаками тело Владыки походило на бескрайнее марево, сотканное из воздуха. Из окна комнаты дети во все глаза смотрели на огромный полупрозрачный хвост Санкти – он двигался, разгоняя тучи над Мертвым морем.

Жизнь, вернувшаяся к Владыке, подарила королю веру в будущее дочери. Видя, как загорается надежда в глазах подданных, Азариас уже знал, что его дитя переживет этот день. Оживший Санкти спасет Айю, оставив ему хотя бы одного ребенка.

Часть I

До

1. Обделенный

ДВЕНАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

– Все твое внимание должно быть сосредоточено на задании, Айя.

«Всерьез ли ты надеешься, что я могу по одному только желанию выкинуть все мысли из головы? Забыть о вчерашнем проигрыше. О разгневанной матери, о рое слухов среди знатных семей, о тревогах отца. Просто выкинуть из головы всех и вся, думая только о задании. Да кому вообще нужны эти стекляшки?!»

Целый час, долгий и бесполезный, Айя боролась с тем, чтобы не высказать свое недовольство вслух. Ее ноги затекли, а по пальцам стоп бегали мурашки – стоять без движения для неусидчивой принцессы было сродни пытке. Благо туфли, эту жутко неудобную обувь, старик все же разрешил снять. Пол под босыми ногами был гладким и теплым; дорожка солнечного света, льющегося из окна, тянулась аж до противоположной стены. Если бы не занятие, Айя села бы прямо здесь, поджала под себя ноги и уснула, положив голову на колени. Или же просто ушла. Да, ей до жути хотелось уйти, прямо сейчас! Сослаться на плохое самочувствие, как она уже делала раньше, – старик, конечно, таким рассказам не верил, но ничего против сказать не мог, – и бежать поскорее, подальше от этих стен, что нагоняют тоску. В любой другой день она ушла бы, но сегодня – нельзя.

– Смотри на стеклянные шары, – напомнил учитель.

«Когда же ты успокоишься? Не будет сегодня результата, не будет!»

– Совладай с собой, принцесса, иначе результата не будет.

«А я о чем?»

– Шары перед тобой. Думай о них. Гони прочь эмоции – тогда получишь контроль над магией. Замедли сердцебиение, и сила пройдет по телу. Позволь ей завладеть пальцами. Не шевелись. Подними…

«Подними их. Знаю».

Трижды в неделю двери огромной душной аудитории с высокими потолками закрывались изнутри, обеспечивая приватность занятий принцессы. О том, что наследница трона, давно уже не ученица, даже после окончания школы ходит сюда, мало кто знал: обычно Айя появлялась в храме наук к закату, когда уходили последние ученики. Едва за ней закрывалась дверь, она попадала в полное властвование господина Альреса – седовласого надменного старика, который находил огромное удовольствие в поучении взрослой принцессы.

К сожалению, за последние три месяца она мало преуспела в занятиях. С тех пор как они перешли к новому заданию, Айе не всегда удавалось справиться даже с первой его частью (которую, если верить учителю, без труда проходили все первогодки). Ей нужно было поднять в воздух стеклянные шары размером не больше детского кулака, которые покоились на расставленных по кругу в метре от нее высоких металлических ножках, а после – выдержать натиск чужой магии. Айя смутно помнила, что подобное испытание проходила на первом году обучения, целых восемь лет назад, и давалось оно ей значительно легче, чем сейчас. Похоже, матушка была права, и год от года Айя становилась все менее сдержанной.

Принцесса закрыла глаза, пытаясь облегчить себе работу, и старик недовольно пробурчал что-то под нос.

«Вот же брюзга! Ведет себя так, словно ему не шестьдесят, а как минимум на сотню лет больше», – подумала дочь короля, впрочем, не собираясь возмущаться вслух.

Принцессе до смерти хотелось поскорее закончить урок, пока Альрес окончательно не убедился в ее бесполезности. После вчерашнего Представления

Айя не желала пользоваться магией еще как минимум месяц, но признаваться в этом учителю было опасно. Мало ли какие выводы сделает его светлый ум.

«Нужно вести себя так, будто ничего не произошло, – напомнила себе принцесса, и негодование наконец понемногу улеглось в груди. – Ради Джонаса».

Она наконец сосредоточилась на задании.

За восемнадцать лет жизни Айя так и не нашла слов, которые в полной мере могли бы описать момент, когда в теле рождается магия – невидимая, неотделимая от человека сила, ниспосланный Владыками неоплатный дар. Дашь ему волю, и он осветит разум. Магия зажигает сотни свечей в голове, открывая тропы, спрятанные в темноте сознания. Хочешь – пройди по ним, по капле собирая силу на кончиках пальцев. Она твоя, она послушна, пока разумом держишь сердце в узде. Но только позволишь гневу или обиде застить глаза, а ярости направлять руки, сила иссякнет. Наставление Владык ясно как день – пользуйся магией, совершай великие дела, но только до тех пор, пока сам с холодной четкостью осознаешь то, что делаешь.

Айя представила, как шары поднимаются в воздух – медленнее, чем пожилая графиня склоняется перед орлиным королем. А после уверенно открыла глаза. Все произошло так, как она хотела: вот шары плавно поднимаются в воздух, будто снежинки, гонимые ветром, вот они замирают ровным полукругом. А старик, который обычно стоит у нее за спиной, чтобы не мешать, в это время успевает отойти к окну.

Айя смотрит на него, не понимая, отчего сухие губы учителя чуть дергаются и кривятся в легкой ухмылке. Она едва замечает волну – созданный Альресом мягкий поток воздуха прокатывается по аудитории. Принцесса заставляет волну обогнуть шары – слишком просто, как ей кажется. Лениво шелестят стопки бумаг на учительском столе, приподнимаются легкие тюлевые шторы у окон, а вместе с ними вздымается в воздух облако пыли. Айя чихает и тут же понимает, что допустила ошибку: всего секунда, но нить контроля утеряна, и шары одновременно падают, разбиваясь о деревянный пол. Круг стеклянного крошева растягивается до самых дверей – Айя с досадой кусает губы, пытаясь унять нарастающий гнев.

– За внимательность, спокойствие и технику – минус. Слишком долго собираетесь, Ваше Высочество. Даже дети поднимают шары быстрее, удерживая их не только под слабым ветром, но и под огненными кольцами, – изрек ничуть не удивленный учитель, подходя к неприметной двери за кафедрой. Постучав по ней, Альрес направился к выходу из аудитории, но, подумав, остановился. – Настойчивость зачту в плюс. Я не ожидал увидеть вас так скоро после Представления. Однако мы уже третий месяц занимаемся с переменным успехом. Я подумаю над тем, чтобы найти другой подход к вашей проблеме. До тех пор все останется по-прежнему – вы поднимаете шары в воздух трижды в неделю, пока не научитесь не только переходить от раздражения к спокойствию по щелчку пальцев, но и сопротивляться внешним угрозам, не теряя контроля над магией. Жду вас через два дня в обычное время, Ваше Высочество.

После этих слов манерный старик покинул аудиторию, оставив ученицу один на один с нахлынувшей обидой.

– Да чтоб тебя… – Остаток фразы принцесса проглотила, услышав, как отворилась дверь за кафедрой. На пороге остановился молодой мужчина, ожидая ее указаний. На его лице застыла маска бесконечного терпения – Айе оставалось только догадываться, услышал ли он брошенные ею в сердцах слова. Теперь девушка жалела, что вообще открыла рот. Хорошо, что ее смотритель не успел стать свидетелем очередного позора. Достаточно и того, что он уже два года наблюдает за провалами подопечной, а от его равнодушного взгляда и в удачный день в жилах стынет кровь.

Задумавшись, принцесса не глядя сделала пару шагов и тут же поморщилась. Стопу левой ноги полоснула режущая боль, а перед глазами поплыли цветные круги. Беспечно наступила ногой на осколок шара. Айя осела на пол и вытянула из пятки кусочек стекла.

– Не поможешь? – выдавила принцесса, молча сетуя на то, что Глубина сам не поспешил броситься ей на помощь. С ее легкой руки выходец из семьи Долор получил второе имя три года назад, и с тех пор оно прикипело к нему сильнее собственного. Безразличный, холодный – Глубина успешно скрывал от людей любое проявление чувств. Словно и не было в нем ничего, кроме однотонного равнодушия. А если и было – горе тому, кто попытается узнать.

Стеклянное крошево на полу невидимой рукой смело к стене, освобождая дорогу Глубине. Высокий и крепкий, сын кузнеца Долора к двадцати семи годам прослыл одним из сильнейших водных магов, когда-либо покидавших городскую школу. Уроженец далеких Солнечных холмов, без громкого имени и родственных связей, за несколько лет он из простого помощника в местной семинарии стал личным охранником монаршей особы, что не могло остаться незамеченным не только среди товарищей по работе, но и среди дворцовой знати. Слухи ходили разные: и про тайную родословную сильного мага, и про могущественного покровителя, который в итоге оказывался родственником Долора, и про особые отношения с принцессой, благодаря которым Глубина незаслуженно получал разные послабления и почести. Последнему варианту отдавали предпочтение многие скучающие обитатели замка, но ни один из них не смел произносить его вслух. Мать принцессы, королева Миранда, за последние годы приобретя несвойственную ей ранее жесткость, быстро расправлялась со сплетнями, особенно если они касались ее дочери. В памяти обитателей замка были еще свежи воспоминания о глупышке графине, которая, наблюдая за скачками в саду, беспечно высказалась о дикой манере езды принцессы, назвав ее «Тенебрис на вороных крыльях». Неделей позже графиню познакомили с будущим женихом – зажиточным фермером из южных земель, который, помимо денег, имел четверых сыновей. Ей не удалось избежать брака. Уже через месяц графиня обживалась в новом доме, а ее покои в королевском замке заняла другая, более смышленая девушка.

Но как бы ни была строга королева-мать, слухи возникли не на пустом месте. Своему охраннику принцесса действительно позволяла слишком многое: он не носил в будний день алую форму королевского стража, предпочитая незаметные темные костюмы простого покроя. Глубина покидал замок чаще, чем любой из стражей на службе у короля: он мог отсутствовать неделями, и на это время его обязанности переходили к Глену, второму охраннику королевской дочери, у которого, помимо защиты Айи, была и другая работа. Те, кто становился свидетелем разговоров между принцессой и Долором, единогласно заявляли, что тот непозволительно груб с госпожой. Но ему все сходило с рук; Айя не спешила поставить наглеца на место, а порой и вовсе защищала от чужих нападок, как лучшего друга.

Вслушиваясь в неспешные шаги Глубины, Айя успела трижды пожалеть о том, что попросила о помощи. Порез не такой уж и глубокий, ее сердечный ритм постепенно приходит в норму, а значит, через минуту она и сама сможет себя вылечить.

Мужчина наклонился, и темная челка скрыла синие глаза. Глубина поставил туфли принцессы подле ее ног и протянул руку к порезу на оголенной стопе. Уголки его губ чуть поджались, а пальцы на секунду окутало сияние, и вот раны уже нет, а сам он, не мешкая, возвращается обратно к двери. Охранник тянется шершавыми пальцами в карман сюртука, и в его руке на мгновение в свете солнца Айя различает синюю ленту с бусинами. Ям-Арго, детская головоломка, которой он уделяет больше внимания, нежели подопечной. Однажды Айя в порыве гнева хотела разорвать игрушку, но в последний миг передумала. Слишком сильно ее охранник был привязан к простой безделушке. Потому Айя продолжала молча ненавидеть пару тканых лент с темными и светлыми бусинами, которые так преданно, раз за разом, распутывал Глубина. Поднявшись, принцесса бросила на него уничижительный взгляд. Не то что о дружбе – даже о более теплых отношениях между ними не могло быть и речи. Время шло, а старая обида Глубины на принцессу не слабела, как бы сильно Айя ни старалась загладить свою вину. Стоило оставить глупую надежду и отослать его прочь – талантливых магов воды в столице хватало, и замену не пришлось бы долго искать. Но Айя оттягивала принятие решения, наивно полагая, что рано или поздно ее охранник сменит гнев на милость.

Следуя через стеклянную галерею к восточному выходу из школы, Айя молча злилась на саму себя за то, что ради вечернего визита в дом Драконов перенесла урок на полуденное время. Сейчас в школе бурлила жизнь. На пути принцессы встречалось множество учеников: совсем юные первогодки, увидев ее, замирали, будто куропатки в саду. Ученики постарше почтительно склоняли головы, скрывая любопытство. Молчание было до того выразительным, что Айе не составило труда догадаться, о чем думают юные маги. Как сегодня выглядит наследница, проигравшая вчера корону? Отчего так задирает подбородок, так остро реагирует на любопытные взгляды – неужто это задевает ее за живое?

Наряд Айи не помогал ей остаться неприметной: хоть была она низкорослая и тонкая, а в темно-фиолетовом платье на фоне белых накидок юных магов все равно выглядела будто ворона среди риса. Те из учеников, кто не видел принцессу во время Представления, удивленно прижимали ладони ко рту. Правдивы оказались слухи – на днях дочь короля возмутительно коротко обрезала волосы. Некогда длинная темная коса сейчас едва доставала до плеч, и короткие прядки выбились из нее, щекоча девушке шею.

Зоркие наблюдатели отметили, что, вопреки заявлениям дворцовой канцелярии, принцесса не выглядела статной и спокойной госпожой: ее походка была сродни

шагу взволнованного человека, а на лице бушевал гнев, одно проявление которого могло оказаться губительным для ее имени.

– Они словно ждут, что я сейчас забуду про ноги и пойду на руках, – едва размыкая губы, прорычала Айя. Темные, почти черные глаза под разлетом густых бровей блестели от злости.

– Терпи, – обронил Глубина тоном, не терпящим возражений.

Айя остановилась. Долор, конечно, воспринял ее слова по-своему: за его показным спокойствием пряталась настороженность. Страж был наготове, будто действительно ожидая, что она сейчас взорвется – начнет раскидывать невинных учеников направо и налево, словно сухие листья, а после, не контролируя себя, спалит галерею.

– Я держу себя в руках, – как можно увереннее произнесла принцесса, но обида все же прозвучала в ее голосе.

Глубина охранял ее уже несколько лет, видел, как она справляется с горечью и гневом, но все равно не верил, что она безопасна. Каждый раз ожидал подвоха и всегда был начеку, но не ради защиты принцессы, это уж точно. Он остановился, словно требуя подтверждения ее слов.

Чувствуя раздражение, Айя нехотя призналась:

– Ты и сам видел, что шары разбились. Старику даже не пришлось стараться – я злилась, и ему хватило секунды, чтобы разрушить мою магию. После вчерашнего испытания… я не могу собраться. – Айя устало откинула голову назад, перестав, наконец, замечать любопытных магов вокруг. Может, она слишком мнительна и преувеличила их интерес?

Глубину, однако, ее откровение не впечатлило:

– Научись давать отпор чужому вмешательству, и тогда перестанешь чувствовать стыд за неудачу.

Он кивком указал за окно, и Айя, проследив за его взглядом, поникла. От густых крон, повинуясь его воле, покорно поднимались в синее небо листья. Они выстраивались в круг, будто звенья одной цепи. Круги росли один за другим, постепенно заслоняя небо, и ажурная тень накрыла любопытных школьников во дворе. Один самоуверенный паренек, желая покрасоваться перед друзьями, попробовал вырвать несколько листков из чужой магии. Его тотчас подняли на смех, указывая пальцами в сторону террасы на создателя узора. Юноша, завидев охранника, стыдливо опустил голову.

– Хватит тебе, – прервала демонстрацию его силы Айя, и листья, следуя воле мага, опустились на землю в одну кучу. – Неудачное сравнение. Тебя сейчас ничто не злит, – пробурчала принцесса, недовольная таким поворотом дел.

– Я говорю с тобой – этого достаточно.

Ям-Арго блеснуло в руках Глубины, и он пошел дальше.

Карета остановилась у аллеи, освещаемой в ночи сотней факелов. Айя, не дожидаясь, пока статный слуга в ливрее откроет дверцу, выскочила навстречу свежему воздуху. Этим летом, самым жарким за последние десять лет, город словно оказался в большой печи. Духота отступала только к самой ночи, забирая с собой нагретый воздух и рассеянные тени. Дышалось легче, ноги были свободными, а Владыки на небе – совсем призрачными. Безоблачной ночью через их тела, едва различимые на небосклоне, сияли звезды, а если хорошо присмотреться, то за осколками света можно было даже увидеть первые волны Вечного Океана – хотя их, скорее всего, рисовало воображение.

Следуя за слугой, Айя думала о том, что скажет. Глубина, по случаю сменив будний костюм на парадный сюртук (который от обычного отличался только наличием синего шелкового платка в кармане и кантом из жемчужных пуговиц на манжетах), бесшумно ступал позади. Он был встревожен тем, что единолично сопровождает подопечную в гнездо Драконов – верных союзников короны вплоть до вчерашнего дня. Ранее безопасный дом теперь стал одной большой угрозой.

«Что на уме у главы рода после того, как его сын победил в Представлении и может в любую минуту потребовать корону? Сдержит ли старший Дракон клятвы, данные десятилетия назад?»

Долор, лишенный права решать, все же не мог не оценивать риски. Ранее он предложил взять еще охрану, раз принцесса не желала отменять визит. Но Айя проигнорировала разумный совет.

– Я пришла к Джонасу. Он мне не враг. Не смей сомневаться в моем друге, – предупредила она.

Родовое гнездо Драконов, одной из четырех монарших семей, возвели далеко за пределами города. Оно высилось на пустынном холме, подножие которого лизали ленивые морские волны. Поместье у моря было единственным сооружением на много километров вокруг, будто вынесенная волнами на берег с морского дна раковина. Одинокое светлое пятно среди темных просторов в ночи, последнее пристанище человека перед непокоренным морем. Вторые претенденты на престол избегали внимания, которое могло грозить их покою – обособленное здание непривычной формы, хоть и вызывало интерес и удивление, но все же не благоволило неожиданным гостям.

За последние два года Глубина бывал здесь бесчисленное количество раз, но никак не мог привыкнуть к размаху творческой мысли, ожившей в стенах из песчаника. Драконы предпочли огромным залам, которые так любила знать, небольшие светлые комнаты, связанные между собой крытыми верандами, что вкупе создавали большой замкнутый круг помещений. Внутри дома, подобно спрятанной жемчужине, под открытым небом раскинулся сад – гордость матушки Джонаса. Словно игнорируя соленый воздух, в саду буйно росли цветы, и ни для кого не было тайной, что супруга главы рода не жалеет земного дара, лелея свое детище.

Минуя резные двери, которые охраняли вырезанные в камне статуи защитников, Глубина привычно поднял голову вверх, скользя взглядом по созвездию на высоком потолке. Среди синей драпировки, словно глаза, сияли десятки камней, образуя контур, отдаленно напоминающий силуэт дракона.

Даже самый неразумный ребенок знал, где искать созвездие, которое копировал потолок в приемной дома: стоило только ночью повернуться лицом к морю и поднять голову немного выше горизонта, туда, где заканчивался хвост Владыки. Созвездие Дракона, в отличие от других обитателей неба, никогда не меняло своего расположения, и охочие до знаков свыше маги заявляли, что потомки Драконов, подобно этим звездам, всегда сохраняют свое положение среди других семей. Их сила не знала скачков и падений, а потому в народе

заслужила почет и цену.

Глубину не покидало ощущение, что они приехали зря. В родовом гнезде другой монаршей семьи, среди людей, связанных одной кровью, Айя вряд ли могла найти союзника. Принцесса уповала на помощь лучшего друга, но дружба с таким, как Джонас, в глазах Долора не стоила и ломаного гроша. Он видел, как драконий сын каждый раз прячется за юбкой Айи, стоит им только попасть в передрягу, и знал: этот трус не пойдет против семьи ради подруги.

Айя же, в отличие от Глубины, была спокойна. Дом Джонаса стал ей родным еще в тот день, когда Драконы, рискуя своими жизнями, не выдали ребенка-убийцу разгневанной толпе. Они защищали ее и после, в суде, поэтому Айя считала себя обязанной каждому из них. Почти каждому.

– Мейсон дома? – поинтересовалась девушка у слуги, позволяя ему снять тонкую накидку с ее плеч.

– Нет, Ваше Высочество.

Айя облегченно выдохнула. Сейчас она была не готова увидеть старшего отпрыска Драконов, который вырвал у нее победу на Представлении.

Слуга, отчего-то насторожившись, пугливо отступил к стене, и миг спустя коридор огласил протяжный рык. Из-за угла, бесшумно ступая лапами по ворсистому ковру, показалось небольшое, едва достающее до колена существо. Айя внутренне напряглась, но как можно радостнее протянула:

– Лацерна! Ползи сюда, ленивая соня, я почешу тебе шею.

Преградившее им дорогу существо – драконий защитник – мало походило на длиннохвостого чешуйчатого зверя, которого маги привыкли считать драконом. Округлая морда Лацерны напоминала собачью, а большие янтарные глаза скорее были кошачьими, нежели драконьими. Пухлое тельце, стремящееся по форме к шару, тонкие ушки и карминовая кожа с жесткой короткой шерсткой и отдаленно не подчеркивали хищную суть создания, особенно если сравнивать с другими родовыми драконами. Лацерна походила на плюшевую игрушку – даже Глубина, стань он вдруг румяной девицей, признал бы, что в звере есть некая миловидность. Похоже, Санкти не воспринимали лучшего друга Айи

всерьез, раз заперли его второе сердце в такой нелепой оболочке.

Создания как Лацерна – главная причина, по которой вторые претенденты на престол сторонились незваных гостей. В стенах их убежища, у самой мертвой воды, на свет появлялись защитники. Они впервые открывали глаза вместе с появлением наследника на свет и закрывали их в последний раз вместе с хозяином, сколько бы лет он ни прожил. Глубина знал, что защитники – подарок Санкти четырем монаршим семьям, но совсем не понимал, чем они его заслужили. Дар Владык, полученный однажды, сквозь века переходил от одного отпрыска к другому по праву старшинства. Теперешний драконий глава был старшим ребенком своего отца, а потому каждый из его детей – Мейсон, Джонас и Селена – имел защитника. Но спустя годы только дети первого из троицы, Мейсона, появятся на свет со вторым сердцем – драконом.

Рык Лацерны стал громче, вынуждая Глубину вспомнить о своих обязанностях. Защитница прижала уши к голове, с тихим шелестом расправляя мощные крылья. Царапая когтями ковер, Лацерна пригнулась, готовясь к прыжку, и Айя убедилась в том, что дракониха все же злопамятная, а слуги не собираются препятствовать ей в поедании гостьи.

– Перестань! – послышался рассерженный голос, и в тот же момент в коридоре появился его владелец. Джонас в последний миг ухватил Лацерну за хвост и поднял ее на руки, за что тут же получил когтистой лапой по щеке. На лице юноши явно читалась растерянность, и дракониха, сдавленно рыкнув, затихла. Спустя миг неудобной тишины она оттолкнулась от рук хозяина, перепрыгнула через его плечо и исчезла за приоткрытой дверью.

Расстроенный взгляд Джонаса, брошенный в сторону родного существа, не ускользнул от принцессы. Узы хозяина и защитника были крепче, чем у матери и ребенка – Айя хорошо понимала, как худо сейчас ее другу.

– Обиделась из-за Представления? – догадалась Айя, и драконий сын коротко кивнул, прижимая платок к кровоточащей щеке. Когти у Лацерны были крепкие, острые, и даже слабого удара хватило, чтобы расцарапать лицо хозяина. Айя подошла к другу и приложила руку поверх платка; неглубокая рана быстро затянулась.

– Ты писал, что она подралась с защитником Мейсона, – аккуратно добавила Айя.

Опять кивок.

– На твоем месте я бы произносил его имя тише, иначе «великий» назло возьмет да выползет из своих тайных подвалов, чтобы откусить тебе голову, – предсказал драконий сын, и робкая улыбка украсила его грустное лицо.
В уголках зеленых глаз заиграли смешинки, и принцесса, чуть поднявшись на носочках, в дружеском порыве потрепала его по светловолосой макушке.
А затем, не сдержавшись, обняла друга за худые плечи, игнорируя вялые протесты.

– Я предложу ему твою голову, – парировала принцесса. Взгляд гостьи, скользнув по наряду Джонаса, зацепился за монограмму на лацкане сюртука. Девушка нахмурилась.

– Сегодня официальный прием? Я надеялась на ужин в семейном кругу.

– Не волнуйся, – попросил Джонас, пряча руки за спиной. – Никаких гостей, я гарантирую.

Ощущая необходимость сменить тему, он переключил внимание на сопровождающего Айи. Охранник склонил в приветствии голову, и Джонас поднял руку в ответ.

– Нас ждут, – сообщил он гостье, и тень беспокойства набежала на его лицо. – Айя, до ужина мы должны обсудить вчерашние события. Боюсь, не все в моем доме намерены делать вид, будто ничего не произошло. Как тебя вообще выпустили? Я думал, королева закроет тебя в замке и заставит коридор до твоих покоев боевыми магами. Ты понимаешь…

– Сто-о-оп, – перебила друга гостья. – Перестань волноваться. Моя голова еще на плечах, а Долор всегда рядом. Ты только посмотри на него! – Джонас тут же перевел внимательный взгляд на темноволосого мужчину, и Айя проглотила смешок. – Кто посмеет на меня напасть, когда самый сильный маг воды рядом? Разве что самоубийца, который хочет провести последние минуты жизни, вдыхая воду вместо воздуха.

Айя взяла друга за руку.

– Джонас, – позвала принцесса, заглядывая в родные глаза драконьего наследника. Когда-то давно она, будучи еще ребенком, со всей серьезностью попросила на день Оновления «такие же глаза, как у Джонаса, и его светлые волосы, только длиннее». В ответ маленькая девочка получила заливистый смех матери и ее гостей, а также пунцовое лицо друга. Айя выросла, но детская обида от того, что Джонас похож на беленькую голубку, когда сама она, скорее, смахивает на ворону, взъерошенную и драчливую, порой возвращалась. Одним летом принцесса даже поменяла себе цвет волос с помощью магии и проходила так несколько недель. В этом поступке она не видела ничего зазорного – какая девушка не захочет обладать красивыми, как у младшего наследника Драконов, волосами, которым проигрывали даже нити шелка в лучах солнца?

– Ты сегодня великолепно выглядишь, – серьезно призналась она.

Видя, как насторожился друг, Айя довольно зажмурилась.

– Пойдем, я есть хочу. Вы, Драконы, всегда вкусно кормите гостей!

На втором этаже, в светлой столовой, которую использовали для семейных ужинов, их уже ждали. Седой мужчина поднялся с обитого ситцем кресла, стоило гостье войти. Мать Джонаса, в отличие от мужа, заметно нервничала – едва обняв наследницу трона, она слишком быстро отстранилась, а после сделала крохотный шажок назад, за спину супруга. Секунду спустя женщина спохватилась, видно, подумав, что выставляет напоказ свое беспокойство; ее глаза забегали, а щеки вспыхнули ярким румянцем. Глава Драконов, господин Маттео, ободряюще сжал руку супруги и виновато улыбнулся гостье.

– Мы рады твоему визиту, Айя. Прошу, присаживайся. – Отец Джонаса указал на стул по правую руку от его кресла во главе стола. Принцессе всегда отводилось это место, несмотря на то, что формально оно принадлежало старшему сыну, Мейсону. В дни, когда Айя была приглашена к столу, Мейсон садился подле матери, по другую сторону стола, не желая сидеть рядом с гостьей. Господин Маттео знал, что задевает этим сына, но все равно продолжал во время ужина сажать Айю ближе к себе. И сейчас, когда он предложил гостье занять привычное место, крохотная, сжатая до отказа пружинка страха в груди принцессы распрямилась.

«Ничего не изменилось».

Драконы заняли свои места, а Глубина остановился у окна, сложив руки за спиной. Айя укоризненно покачала головой, но промолчала. Следующий час он проведет истуканом у стены, пытаясь скрыться от чужих взглядов среди серых бархатных штор. И это несмотря на то, что глава Драконов не раз предлагал Долору присоединиться к ужину – господин Маттео ценил радушие и гостеприимство больше, чем дворцовый этикет и бесчисленные правила. Оттого старший Дракон и благоволил дочери старого друга – Айя, как и он сам, была на короткой ноге со слугами и охраной, с легкостью отметая пропасть званий и титулов.

Слуги подали горячие блюда на шестерых человек: две тарелки с поднимающимся над ними паром предназначались для Мейсона и Селены, единственной дочери в семье; видимо, их все же ожидали к столу.

– Мы надеемся, что ты не сбита с толку итогом вчерашнего Представления, – как ни в чем не бывало заметил драконий глава, расстилая льняную салфетку на коленях.

«Сразу в бой», – подумал Джонас и мягко укорил отца:

– Папа, мы еще даже не поели, а ты сразу о делах. Только посмотри, как Айя приоделась ради тебя – не помню, когда в последний раз видел ее в таком красивом платье.

– Джонас, – предупредила его мать, взглядом прося не вмешиваться. Ложка в ее руках задрожала, и женщина отложила прибор в сторону.

– Конечно, я заметил, – нехотя подтвердил глава рода, раздраженный поведением сына, – и очень рад, что наследница трона наконец избавилась от мальчишеской одежды.

Над столом повисла тишина. Джонас с опаской перевел взгляд на Айю – принцесса молчала, не донеся до рта кусочек сырного хлеба. Кажется, она сочла замечание оскорбительным.

– Дядюшка, – разбавила наконец тишину Айя, и в ее глазах заплясали огоньки, – вы слишком высокого обо мне мнения. Моя швея по сей день плачет, когда приходит с примеркой. Она мечтает мастерить для меня юбки с оборочками,

а получаются одни штаны.

Мгновение спустя столовая утонула в хохоте, и громче всех смеялся старый отец Джонаса. На его глазах выступили слезы, а руки дрожали, пока он вытирал раскрасневшееся лицо.

Глубина у окна наклонил голову, пряча улыбку.

– Клянусь драконьими звездами, ты – мое самое любимое дитя среди тех, в ком не течет моя кровь, – торжественно признался глава семейства, и гордость в его глазах оказалась для Айи слаще любой похвалы. Мать Джонаса согласилась, и натянутая атмосфера за столом постепенно растаяла в легком разговоре.

Когда исчезли пустые тарелки после первых и вторых блюд, а стол заставили чашками с дымящимся кофе и сладостями, к которым были неравнодушны жители дома, отец Джонаса, покуривая трубку, вновь решил перейти к делу.

– Твой отец не принимает меня, Айя, – спокойно сообщил Маттео; за дымом от табака его глаза казались затянутыми пеленой. – Я хочу, чтобы он знал о моем решении, и надеюсь, что ты передашь ему эти слова: Драконы чтят свои обеты.

Веселый, добродушный отец Джонаса этими словами вмиг напомнил забывшейся в приятном разговоре принцессе о том, что он не простой дядюшка, а глава рода, за плечами которого годы главенствования в большой семье, пусть сейчас за столом и присутствовала лишь малая ее часть. О преданности Драконов, столь же древней, как и их магия, не зря слагали легенды: веками отпрыски этой монаршей семьи клялись в защите короны, и неважно, на чьей голове она была. Из Драконов получались лучшие стражи, сильнейшие маги и самые преданные друзья. Отец Айи, король Азариас, в далекие времена назвал господина Маттео своим братом, пусть и не по крови. За десятилетия дружбы двух монарших семей, Орлов и Драконов, их связь подвергалась испытаниям не единожды, но никогда не прерывалась. И сейчас Айя точно знала: Маттео не согласится возвести на престол старшего сына, рискуя оборвать дружбу с королем.

– Я обещал твоему отцу, что ты сядешь на трон. И вчерашнее досадное происшествие не отменит моей клятвы.

Айя, прислушиваясь к внутреннему голосу, рискнула спросить:

– А что думает по этому поводу Мейсон?

– Мой сын, пока я жив, будет подчиняться мне.

Мать Джонаса кивнула, хоть гостья и видела: у женщины на уме другое. Ее любовь к сыну сильнее, чем преданность мужу, оттого она не спешила отметать желания Мейсона. Наивная, недальновидная женщина – Айя была уверена, что Мейсону хватило всего нескольких слов, чтобы склонить ее на свою сторону. Наверняка он рисовал для матери яркие безоблачные картины: он сам, взошедший на престол, счастливые Драконы и, самое главное, тихо ушедшие в тень Орлы. Самая легкая за всю историю смена правящей семьи. Безопасная. И неосуществимая.

– Я передам отцу ваши слова, – пообещала Айя. Принцесса не видела лица своего охранника, но знала, что слушает он внимательно.

«А королева узнает о вашей преданности от Глубины», – мысленно добавила девушка.

– Ваши серьезные лица меня пугают, – заметил Джонас, тут же получив укоризненный взгляд матери. Но отчитать сына ей не дала младшая дочь, заглянувшая в столовую.

Семилетняя пухлая девочка в кружевном платье, к которой тут же обратились все взгляды, ничуть не смутилась. Ее взгляд скользнул по столу и остановился на вазочке со сладким. Глаза ребенка быстро наполнились слезами, а комнату огласил жалобный писк:

– Про конфеты мне не сказали…

Айя изумленно наблюдала за тем, как самый младший ребенок в семье Джонаса устраивает в столовой потоп, пока слуги во главе с матушкой стараются ее утихомирить. Однако маленькая Селена прекратила выступление так же неожиданно, как и начала, и, устремив светлые очи на старшего брата, заявила:

– У Джонаса есть большой секрет! Или конфеты, или секрет! – Девочка поставила ультиматум, упирая кулачки в мягкие бока.

Айя видела, как побелел ее друг, и страх колыхнулся внутри. Секрет у Джонаса был один, и не дай Владыка узнать о нем кому-либо…

Джонас, вскочив на ноги, судорожно протянул сестре хрустальную вазочку с конфетами, но драгоценный приз вымогательница не получила. Сладкое уплыло в руки матери, и в общем-то добрая женщина вмиг стала похожа на рассерженную дракониху.

– Какой секрет, Джонас? – сощурив глаза, спросила она, и в ее голосе отчетливо послышалась угроза. Жена господина Маттео придерживалась мнения, что ее дети должны делиться с ней всем, а иначе крепкий фундамент доверия в семье даст трещину. Джонас не ответил, и женщина, распаляясь с каждой секундой его безмолвия, обернулась к дочери: – Говори немедля.

Для Селены путь к конфетам мог открыться всего парой слов – Джонас видел, как быстро девочка решила, что ей сейчас важнее. Пытаясь опередить сестру, которая вот-вот станет предательницей, драконий наследник выпалил на одном дыхании:

– Я влюблен в Айю!

В тягучей тишине звон разбившейся чашки перевел все внимание на гостью. Глубина спрятал Ям-Арго в карман сюртука, обратив взгляд на «друга» принцессы. Дело принимало интересный оборот.

О браках между представителями монарших семей начинали разговоры только смелые, особенно если речь шла о союзе старших отпрысков. За многовековую историю наследники правителей не единожды объединяли себя брачными узами, тем самым навлекая проклятие сразу на два рода. Дети в таких семьях получались здоровые и сильные, без видимых отклонений. Но защитники… Смешение королевских кровей оказалось смертельно для дара Владык. Одним из первых задокументированных случаев стала история защитника, родившегося вместе с ребенком Медведя и Куницы. Существо от такого союза не походило ни на одного зверя, обитавшего на континенте. Большое и округлое, с бурой шерстью и несоразмерно тонкими, когтистыми лапами, оно не могло

передвигаться самостоятельно; его впалые, слишком маленькие для крупной морды глаза едва различали свет. Зверь постоянно издавал свистящие, пронзительные звуки, о природе которых несложно было догадаться – существо ежесекундно испытывало боль. Даже наделенный магической силой и имеющий связь со вторым сердцем, зверь не прожил и недели. Его новорожденный хозяин, хвала Владыкам, вырос без видимых изъянов. Служители Санкти, напуганные произошедшим, немедля запретили подобные браки как нечто омерзительное, идущее против воли Владык и угрожающее целостности их великого дара – защитников.

Шли года, запретный плод оставался сладок. Через десятилетия история повторилась, а после еще и еще, и с каждым разом результат смешения получался все более ужасающим; вслед за нежизнеспособными защитниками умирали и их новорожденные хозяева, а у тех, кто каким-то чудом пережил детство, туманился разум. Напуганные служители Санкти годами молили Владык о том, чтобы они забрали свой дар обратно, так как монахам было не под силу держать четыре монаршие семьи в полном повиновении закону. И Владыки услышали их молитвы. У отпрысков королей, которые решились по жизни идти рука об руку, больше не рождались ни дети, ни защитники. В глазах монахов они сознательно отрекались от Владык, а потому верующие маги отворачивались от них тоже. Дар Владык переходил к следующему по старшинству ребенку в монаршей семье, как и право принести в этот мир наследников рода и новых защитников. Но Айя была единственным живым ребенком короля, оттого простые слова, сказанные Джонасом, звучали как угроза всему орлиному роду.

Кажется, господин Маттео оказался более удивлен, нежели его супруга. Матушка Джонаса прятала глаза под светлыми ресницами так, словно подозревала о чувствах младшего сына долгое время. Но сам факт, что он смело признался, смутил женщину. Ее робкий, наивный мальчик явно преследовал свои цели, открываясь под столь слабым шантажом сестры.

Глава рода, открыв рот, тут же закашлялся. Он дал время Айе восстановить разбитую чашку, пристально наблюдая, как фаянс послушно принимает прежнюю форму, а после сказал:

– Что ж, – и отхлебнул кофе, смачивая горло. Он бросил взгляд на охранника гостьи, который, несмотря на шокирующее заявление, сохранял спокойствие.

– Не волнуйтесь, Ваше Высочество, мой сын не претендует на брак с вами, – продолжил Маттео. – Более того, отныне я приложу все усилия, чтобы разрушить обманчивую иллюзию, что сложилась в его голове. Уверен, после Представления Джонас все еще… не в себе, что и стало причиной необдуманных слов.

Принцесса, легко приняв его объяснения, обратилась к другу:

– Джонас, – Айя постаралась выдавить улыбку на каменном лице, – мне нужно сказать тебе пару слов. Наедине, – с нажимом добавила принцесса, обращаясь к Глубине, который уже сделал несколько шагов к двери. Охранник, получив приказ, молча вернулся на место. Лицо стража оставалось спокойным, но девушка знала: он недоволен ее решением.

Айя с Джонасом покинули столовую, чувствуя, как прожигают их спины чужие взгляды. Маленькая Селена, заметив, что за вазочкой никто не смотрит, утянула из нее конфеты и тихо сбежала в свою комнату.

– Что творится у тебя в голове?! – яростно прошептала Айя, едва они отошли от столовой. Принцесса воровато оглянулась вокруг. В коридоре, устланном толстым ковром, никого не было, и в тягучей тишине ее дыхание разносилось возмутительно громко.

Джонас, подняв на нее виноватые глаза, покаялся:

– Прости. Мелкая чуть не проболталась, и я запаниковал. Она знает, что я бессилен.

Принцесса, уловив суть проблемы, тяжело выдохнула. Пережив Представление, они расслабились, и жизнь тут же уколола в бок. Джонас нуждался в защите постоянно, и простой случай только что едва не свел на нет все их усилия.

– Откуда она узнала? – спросила Айя. – Как вообще Селена могла узнать? Неужели ты сам ей рассказал?

Наследник Драконов молчал, не торопясь с ответом. Взгляд юноши рассредоточился, и Айя помахала перед его лицом рукой, возвращая друга на землю.

– В Селене много магии, – нехотя признал Джонас, и тень тревоги легла на его лицо. – Она слишком мала для такой силы. Еще два месяца назад она легко справлялась с воздухом, гоняла стопки бумаг по отцовскому кабинету и смотрела на меня как на любимого брата. Месяц назад ей стало плохо, – голос Джонаса упал, – ночью она задыхалась, будто воздух, ее стихия, стал поперек горла. В комнате тогда все было вверх дном, словно смерч прошел. Мейсону едва удалось помочь ей. Наутро Селене стало легче, матушка наняла ей домашнего учителя. Теперь она каждый день под присмотром. Родители боятся, что Селена станет… как ты, – осторожно добавил Джонас, видимо, опасаясь произносить вслух то, о чем подумал.

«Неконтролируемой», – про себя закончила за друга Айя. Этот страх она понимала.

– Направив ее энергию в нужное русло, мама, считай, подписала приговор мне. Не прошло и пары дней с ее обучения, как Селена ощутила, что я бессилен.

– Ощутила? – недоуменно переспросила принцесса, и Джонас кивнул.

– Она улавливает магию. Редкий дар, даже для мага воздуха. Не слышала о таком? В такой силе мало кто признается. Она искажает восприятие мира. Селена видит… нити. – Не зная, как описать, Джонас махнул рукой в воздухе. – Они связывают человека с Владыкой. По ним течет ваша магия. В учебниках об этом не пишут, я искал. Везде одно и то же: «Магия дана нам от Владык, нельзя то, то и то». Никаких пояснений, будто всем…

– Я знаю, – перебила принцесса. – Вернись к Селене.

Джонас провел рукой по волосам.

– Отец был очень взволнован, когда узнал о ее даре. Он приказал держать его в тайне, поэтому не выдавай меня.

Айя согласно кивнула, ощущая неясную тревогу.

– Ты бы слышала ее, – продолжил Джонас, потирая руки так, словно ему холодно. – Однажды Селена пришла ко мне в комнату после занятий и с порога

заявила: в тебе нет магии. Семилетний ребенок, она говорила так, словно ее совсем не пугают эти слова. Клянусь, я никогда не видел такого безразличия на ее лице! Казалось, что даже если меня, ее родного брата, сейчас из-за этих обвинений уведут на казнь, она продолжит смотреть мне вслед словно ученый, открывший новый вид насекомого. Прости, что не сказал сразу. – Джонас виновато опустил взгляд. – Признаться, Селена серьезно напугала меня. Айя, мне кажется, что это была не она… – Драконий наследник, наклоняясь ближе к подруге, пояснил: – Чужие тени прятались за ее лицом, чужие слова слетали с губ. Слова Владык. Я никогда не чувствовал себя настолько ничтожным перед силой, которой не имею, – признался юноша, переводя дыхание.

Джонас подошел ближе к подруге. Его голос опустился до шепота, а в глазах отчетливо читался страх.

– Послушай. С каждым годом я все больше убеждаюсь, что магия – не лучший подарок Владык. Они дали вам силу, ради них вы выращиваете ее в своем теле, учитесь управлять и постоянно ищете способы ее приумножить. Что, если Санкти с помощью магии влияют на ваши мысли, искажают ваши желания? Как знать, может, вы и не живете вовсе; может, это они живут в вас. После вчерашнего Представления я, кажется, смог хоть немного понять, каково это. Магия вытеснила меня на край сознания. Я был зрителем, в то время как твоя сила управляла моими руками. Знаю: я не могу судить, не могу решать за тебя, но прошу, больше не используй столько магии ради меня. Я поговорю с Селеной, и она не выдаст мой секрет, обещаю. Она все же человек, она моя сестра, хоть маленькая и вредная. Если Селена захочет, я буду носить ей конфеты каждый вечер, пока она пролазит в дверной проем, а на следующий год что-то придумаю с Представлением.

Выражение лица принцессы ясно дало понять Джонасу, что она не в восторге от его затеи.

– И что же ты выдумаешь на этот раз? В прошлом году сломал руку, лишь бы не выступать. В позапрошлом – упал с крыши, и я до сих пор не выбила из тебя правду, специально ты это сделал или нет. Три года назад ты потерялся на два дня в лесу. Джонас, тебя и так уже называют слабоумным – не позволяй людям думать о тебе еще хуже, – попросила Айя, и жалость прокралась в голос, как ни пыталась принцесса задушить ее ростки.

– Пусть лучше считают слабоумным, чем знают правду. Ты ведь понимаешь, что со мной сделают в таком случае. Наши законы неизменны: раз не умею создавать огонь, воду по щелчку пальцев или поднимать землю в воздух, значит, лишен дара. А детей Владык без дара не бывает. Монахи сочтут меня опасным и обрекут на смерть, как и…

– Перестань, – попросила Айя, видя, как опасения загоняют Джонаса в тупик. Он ведь на самом деле не такой трус, как недальновидно считал Долор. Наследник Драконов любит свою жизнь вопреки тайне, с которой приходится существовать. Он и раньше не сдавался в поисках причины собственного бессилия и лекарства, которое могло спасти его от жизни во лжи. Но не получив результата, в последние пару лет Джонас перестал воспринимать себя обделенным. Жизнь без магии казалась ему ярче, насыщеннее, а возможность не прикидываться безэмоциональным куском гранита ради силы – подарком, которым он пользовался без зазрения совести.

– Ты не сможешь покрывать меня вплоть до своей коронации, – нервно продолжил Джонас, вышагивая поперек коридора, от одной стены до другой и обратно. – Она может состояться и через десять, и через двадцать лет. Твой отец, хвала Владыкам, молод и полон сил. Возможно, мне действительно стоит прикинуться дурачком? Что нужно, чтобы лекари из Круга Исцеления подтвердили это?

– Попросить меня приложиться кулаком об твою голову, – буркнула Айя и немедленно исполнила сказанное. Наблюдая, как Джонас потирает светлую макушку, пострадавшую от справедливого тумака, принцесса устало откинулась назад, опираясь о стену. – И что мне прикажешь делать с твоим признанием?

– Если я сойду с ума и рискну сделать тебе предложение, отказывайся как можешь! – Джонас сипло рассмеялся, представив подобную ситуацию. Он наконец остановился рядом и устало сполз по стене. Разговор выжал его досуха.

– Главное – не говори никому о том, что ты ляпнул за столом, – попросила Айя, легонько поглаживая друга по макушке. – Совет моего отца вполне может решить, что ты угрожаешь безопасности наших защитников. Папа, конечно, не поверит, но не нужно испытывать судьбу. У нас остался только Регус, и советники жаждут выдать меня замуж, чтобы поскорее увеличить число орлиных защитников. Будто я только на роль матери и гожусь.

Джонас нахмурился, а затем осторожно спросил:

– Ты же не расстроилась, что я не хочу делать тебе предложение?

На что Айя, мгновенно меняясь в лице, снисходительно ответила:

– Не волнуйся, я его ни за что не приму. Мое сердце уже занято.

Джонасу понравилось услышанное. Он довольно быстро решил, что тема исчерпана. Айя же, закрывая глаза, проглотила ком в горле. Разве она думала, что признаться будет так легко? «Нет, – возразила принцесса сама себе, – он просто не поверил».

Понимая, что разнос за глупые слова окончен, младший сын Драконов поднялся и, пятясь к столовой, предложил:

– Может, мне вообще сбежать? Тогда и проблем не будет. Представь только: наследник монаршего рода работает в порту где-то на окраине мира. Вот это была бы жизнь!

– Не глупи. Я что-нибудь придумаю, – уверила друга принцесса, интуитивно ощущая чужое присутствие. Секундой позже дверь столовой отворилась, и в ярком свете фигура Глубины показалась ей сплошной черной тенью.

* * *

Монотонно стучали колеса, увозя принцессу обратно в город, и Айя всецело погрузилась в раздумья, не замечая настороженного взгляда охранника. Вчерашнее Представление многие назвали неудачным для Орлов, но принцесса считала иначе. Провальное выступление принесло больше, чем она могла рассчитывать – шанс раз и навсегда обезопасить бессильного Джонаса от угроз, связанных с разоблачением. Прокручивая в голове вчерашний день, Айя все больше уверялась в том, что все случилось именно так, как должно было.

2. Глас Владык

Ежегодный день Представления на протяжении сотен лет считался праздником для всех, кто не имеет прав на престол. Жители столицы, как и всего континента, в этот день оставляли привычные заботы, уделяя время самому главному в жизни. Одни посвящали его детям и семейному очагу; другие в уединении городского собора тишиной почитали Владык, надеясь однажды услышать голос Санкти. А те, кто рвался прочь из дома, подальше от рутины, навстречу людям, неизменно оказывались в саду городской школы. Он пестрил толпой: фокусники и торговцы, старцы и дети – каждый хотел пробраться вглубь сада, к массивным статуям, глашатаям Представления. Безмолвные и бездвижные – они выглядели безжизненными, но к вечеру, повинуясь магии, одна из статуй – Дракон, Орел, Медведь или Куница – оживала, чтобы объявить победителя Представления. Застывшие в камне звери, исполинами нависающие над хрупкими человеческими головами, были плодом кропотливой, изнуряющей работы, но отнюдь не радовали глаз. Весь их внушительный облик служил напоминанием о том, что дар Владык – это сила, которую стоит почитать и бояться.

Сейчас статуя речного Дракона собрала вокруг себя наибольшее количество почитателей. Осознавая свою численность, они вели себя раскованно, снисходительно поглядывая на остальных посетителей. Спустя несколько минут возле статуи Медведя с оскаленной пастью прибавилось магов, и перевес почитателей оказался на медвежьей стороне. Группа девочек в белых платьях и с браслетами из цветущего разнотравья обступила его, не прекращая жарко спорить.

С другой стороны сада за ними наблюдала еще одна девчушка, внешне ничуть не отличавшаяся от сверстниц. На ее коленях лежал такой же браслет, а белое льняное платье тон в тон совпадало с ее легкими кудрями.

«Земные маги всегда за Медведей», – подумала Антея, вяло перебирая цветы в браслете. Ей бы сейчас быть рядом с родственницами, а не прятаться от горячего солнца в тени статуи на единственной незанятой скамье. И браслет стоило бы надеть на руку, как полагается, но украшение, указывающее на принадлежность к земному дару, Антея продолжала держать на коленях. Наденет – и ее точно заметят, а потом начнут ругать за то, что она остановилась у статуи Орла, тогда как вся семья почитала Медведя.

Антее было страшно идти против родных, но сегодня ей отчаянно хотелось поддержать орлиную наследницу. Вопреки сплетням, которые, будто косы по вечерам, распускали ее двоюродные сестры, Антея не считала принцессу жестоким человеком, жадным до власти. Она знала, что Айя не такая, какой ее рисуют медвежьи дочери, и не раз вступалась за нее. Только вот слова четырнадцатилетней девочки с большими наивными глазами быстро расценили как неуместное обожание и восхищение той, кого положено ненавидеть.

«Медведи презирают орлиную принцессу, – напоминали ей старшие и назидательно добавляли: – Так говорит Матушка. Не смей ей перечить».

Девочка сощурилась, пытаясь рассмотреть витражное окно на четвертом этаже школы. Антее нестерпимо захотелось оказаться по ту сторону цветного стекла, среди магов, в которых течет кровь прошлых и теперешних королей.

Недалеко от входа в донум – зал, в котором проводят Представление, – маялся Джонас. В маленькую комнатку, где стены от пола до потолка занимали пыльные полки, его затащила Айя, лихорадочно сверкая глазами. С утра она была сама не своя – алый румянец на щеках, учащенное дыхание и бешено стучащее сердце подруги серьезно пугали и без того взвинченного юношу. Чем он думал, когда пришел в школу? Тем более в этот чулан? В этом пыльном месте они с Айей выглядели как пуховые подушки в хлеву. К тому же не хотелось испачкать накрахмаленные наряды с родовой символикой.

Стоило только подумать об этом, как что-то липкое капнуло на рукав. Еще немного, и Джонас готов был поверить, что к его плечам привязали невидимый мешок, полный невезения – от такого силы держать спину ровно будто иссякали, а ноги едва передвигались под тяжестью тела. Чувствуя настроение хозяина, у него на руках заворочалась Лацерна. Айя фыркнула. Черная атласная лента, бантиком завязанная на шее защитницы, живо нарисовала в голове принцессы восхитительную картину. Представив, как намучился Джонас, украшая свою строптивую любимицу, Айя попыталась скрыть смех за кашлем. Обман не удался, и Лацерна приподняла верхнюю губу, обнажая ряд острых зубов.

– Тебе идет, честно, – успокоил дракониху Джонас, видя, что она распознала причину смеха.

Лацерна зажмурилась, надеясь вернуться ко сну, но Айя, устав от сюсюканья, подхватила пухлое тельце защитницы и бесцеремонно усадила ее на пол.

– Здесь поспишь, соня. Не у двери же тебе куковать, а внутрь зала нельзя. Ты ведь не хочешь досрочно отправить на покой старый шар? – поинтересовалась принцесса, и Лацерна, раздраженно виляя длинным хвостом, щелкнула зубами в миллиметре от ее пальцев. Сомнений не было: она не против. – Вредная малявка, – как можно мягче протянула девушка, и дракониха подозрительно подняла уши, вслушиваясь в голос Айи.

– Перестань ее дразнить, – попросил Джонас, видя, как сужаются зрачки зверя. – Может, слов ей и не понять, но Лацерна далеко не глупая.

– Будь по-твоему, – согласилась принцесса и под ворчание драконихи протянула Джонасу зажатый в перчатке медальон. – Я едва успела обыскать королевское хранилище в поисках твоего спасения, а потом чуть не погорела на краже, пока ты свою защитницу как куклу наряжал.

Лацерна, сморщив черный нос, повела им за амулетом Айи и тут же растеряла всякую сонливость. Разинув зубастую пасть, дракониха издала протяжный рев и в прыжке попыталась лапами вцепиться в украшение. Айя, удивившись не меньше друга, выкинула защитницу за дверь.

– У нас нет времени на нежности, – пробурчала принцесса. Пряча в лацкане Джонаса артефакт, Айя напомнила: – Как подойдешь к шару, рукой прижми медальон к коже. Он тут же среагирует и потянет мою магию. Ненадолго, но должно хватить. Как бы ни было страшно, не давай эмоциям себя захлестнуть, иначе магия исчезнет. Не паникуй и помни – ты там не один. Я всегда рядом, – пообещала принцесса, указав пальцем на лацкан. Крепко обняв друга, она услышала, как открывается за их спинами дверь, и натянула на лицо самую дружественную улыбку. Рев Лацерны привел к ним непрошеных гостей.

* * *

Джонас остался один в донуме, едва за его спиной захлопнулась дверь. Наследник без дара, он мечтал оказаться здесь, будучи равным не только Айе, но и своему брату. Мечтал больше не прятаться, а предстать перед взором

Санкти сильным, полным бесстрашия и веры в свои способности. Но на деле пришел к их Гласу с ложью в руках. Только вот сейчас его больше пугала мысль о столкновении с шаром, нежели возможность разоблачения. Страх перед Гласом Анте подстегнул Джонаса узнать о древнем шаре все, что знали маги, только бы найти способ обмануть его.

Много силы видело творение Санкти, столетия сохраняя ее отголоски в стеклянном теле. Как и любой маг, Джонас знал, что на заре мира четыре рода боролись за трон, и он в полной мере мог обвинить их в теперешнем раскладе сил. В те времена, когда магия не знала ограничений, стоило одной семье надеть на отпрыска вожделенную корону, как другая, предъявив более сильного мага, оспаривала власть нового короля. Битвы следовали одна за другой, и сила росла с каждым днем, распаляя и без того горячие головы. Корона переходила к победителю, не столько преподнося могущество, сколько отбирая жизни. Земли страдали, залитые кровью. Народ, наблюдая за кровавыми распрями, не желал более подчиняться жестоким королям.

Однажды, устав от бесконечных войн, земля породила человека, который смог умерить пыл всесильных магов. Говорили, что в ушах спасителя голос Санкти был подобен грому, и Владыки, управляя его руками, создали необычный шар, напитав его собственной силой. Санкти велели четырем семьям предстать перед артефактом, обещая вечно поддерживать власть того, кто сможет разрушить их творение.

Сколько силы ни обрушивали на стеклянный шар, все без толку; земля вокруг горела, тонула, а после всех попыток и вовсе стала мертвой, но шар сохранил свою форму, неуязвимый перед чужой силой. Лето успело закончиться и начаться вновь, пока маги, наконец, не признали свое поражение. И тогда шар ожил. Впервые магическое творение показало собственную силу: снопом света в небо взмыла размытая фигура, и в ушах каждого прозвучал голос Владык.

Так Санкти указали на самого сильного среди претендентов на трон. Он стал первым королем, который правил более одной недели, и последним, который видел кровавые распри. В честь окончания войны Владыки подарили каждой из четырех монарших семей по защитнику, отметив их как равных. С тех пор звери-защитники украшали их знамена, а корона мирно переходила от одной семьи к другой.

Творение Владык, их Глас – шар Анте – так и остался на том месте, где впервые маги обратили свою силу не друг против друга, а на сам артефакт. Вокруг него выросло гигантское дерево – анима, способное поглощать магию. Спустя века вокруг анимы выстроили школу как дань земле, где отныне маги не разрушали, а творили, надеясь очистить не только место битвы, но и собственную кровь, хранившую память о былых безумиях. Каждый год в школе обязались проводить Представление монарших отпрысков Гласу Владык, чтобы тот указывал на достойного человека, который будет править их детьми на земле.

Джонас во все глаза смотрел на Анте, а Анте молча взирал на него со стеклянной подставки. В небольшом округлом зале они были вдвоем. Джонас впервые оказался в донуме и, даже зная, что его ждет, все равно удивился.

Здесь пахло лесом. Влажный воздух оседал на деревянном полу и стенах, плавно переходящих в потолок. Неровные, с глубокими бороздами, они походили на кору столетнего дуба. Джонас присел и опасливо коснулся пола. Чуть теплый. Живой зал, как утверждали записи из королевской библиотеки. Донум был полой внутренностью анимы – древа, способного поглощать и удерживать магию так, как земля поглощает влагу после проливных дождей. Анте стал сердцевиной этого древа, и благодаря ему магия не выходила за пределы донума. Оседая в шаре и живых стенах, она порождала диковинные иллюзии. Джонас знал: не стоит волноваться, если вдруг пол под его ногами исчезнет – это не худшее, что могло предложить напитанное чужой силой дерево.

«Только я и Глас Владык» – эта мысль пугала наследника Драконов. В горле стало сухо; юноша прокашлялся и тут же поморщился – слишком громко разнесся его голос. Робость неожиданно накатила горячей волной: как посмел он думать об обмане? Шар Анте был творением Владык, и он, бессильный человек, вознамерился пойти против них? Где была его голова, когда он согласился?

В лацкане сюртука, прямо над сердцем, ощущалось тепло медальона. Джонас постарался выкинуть из головы все, кроме слов Айи. Они справятся и сохранят его секрет, а затем будет еще целый год, чтобы найти другой выход. Да, сейчас им было чего стыдиться – пришлось пойти на вынужденный обман. Но большая часть работы уже сделана, дело за малым. За ним.

Юноша рывком вытащил круглый амулет, с силой прижав его к ключице под воротом рубахи. Медальон, опалив кожу, прилип к ней, и Джонас, опустив

ладонь, почувствовал, как закололо в пальцах. Между ним и Анте появился кто-то третий.

К счастью или неудаче, наследник Драконов не знал это чувство, да и не мог сравнить его ни с чем другим. Задыхаясь от обуявшей его силы, он быстро поверил, что такой она и должна быть; что именно так чувствует себя Айя, когда огонь сходит с ее рук. Сколько же силы она сейчас передавала через амулет? Джонас не знал ответа и впервые не волновался по этому поводу. Будь в медальоне капля или целое море, этого хватило бы, чтобы выжечь все вокруг.

Обессилевшему юноше вдруг стало дурно от чужой силы, которая никогда не рождалась в его теле, но никто, включая его самого, не мог понять ее пагубного действия. Анте же, способный поглотить любую магию, продолжал впитывать предложенный дар, и только.

Огонь все сильнее разгорался в руках Джонаса. Последняя капля неуверенности растворилась, уступая место эйфории. У него получилось! Пламя, настоящий дар, так легко срывалось с рук, будто действительно принадлежало ему. Что же это за чудесный амулет? Юноша не хотел прощаться с найденным в королевской сокровищнице артефактом. Если бы его можно было оставить и использовать каждый день, сколько бы возможностей ему открылось! Он бы забыл о страхе перед разоблачением, перестал прятаться в тени Айи, стал бы нормальным, даже сильным… Вот бы огонь не прекращался и всегда был с ним, становясь все больше, больше…

Медальон в груди Джонаса радостно горел, пульсируя в унисон с мыслями опьяненного чужой силой человека.

По другую сторону от входа, ведущего в донум, нервничал господин Маттео. Защитница его младшего сына вела себя странно: Лацерна скулила, подобно голодной собаке, привлекая ненужное внимание. От метаний родственницы проснулся дракон его старшего сына, Мейсона. Теплолюбивый Навис лежал на подоконнике, недовольно помахивая длинным хвостом. В лучах полуденного солнца его чешуя казалась почти прозрачной – защитник, обладающий даром воздуха, умел скрываться от чужих глаз и часто пользовался этим умением, доводя пугливую Селену до слез. Дракон Селены вступался за хозяйку, и дело быстро доходило до драки. Стычки между зверями были привычны господину Маттео – схлестнись Лацерна с другим драконом, он не повел бы и глазом. Но защитница Джонаса, не обращая ни на кого внимания, крутилась у входа

в донум, продолжая протяжно выть.

Присутствие защитников так близко к донуму не поощрялось, но Драконы, как и другие семьи, не раз клялись, что владеют своими подопечными в достаточной мере, чтобы предотвратить их вмешательство в ход Представления. Именно эти слова сейчас и припомнила отцу Джонаса матушка Медведей, наблюдая, как драконья защитница норовит расцарапать деревянное полотно входа в зал.

Господин Маттео с присущей ему легкостью отмахнулся от замечания. Главе Драконов и так хватало забот. Его старший сын исчез сразу же, как только Джонас зашел в донум. Отсутствие Мейсона не сулило ничего хорошего, как и то, что исчезла Айя: принцесса должна была подпирать двери зала в ожидании, ведь по жребию в этом году она шла следом за Джонасом. Глава Драконов был удивлен, что мать принцессы, Миранда, похоже, совсем не волновалась из-за отсутствия дочери. Королева сидела на стуле у вьющегося по нагретым стенам плюща; ее руки перебирали складки тяжелого платья, а большой перстень на безымянном пальце то и дело цеплялся за черные кружева. Но Миранду это не злило. Орлиная королева, сохраняя величественное спокойствие, слушала собеседницу, Куницу. Однако взгляд ее украдкой нет-нет да и возвращался в конец длинного коридора, где исчезла принцесса.

Гортанный вой Лацерны заставил господина Маттео отвлечься от мыслей. В пасти драконихи под нарастающее недовольство магов полыхнуло пламя, обрушиваясь на вход в донум; вырезанная прямо в теле анимы массивная дверь загудела, беззащитная перед нечеловеческим созданием.

– Держи ее, – приказал господин Маттео Навису, жалея, что оставил своего защитника дома. Навис подчинился без раздумий: взлетев к потолку, он камнем обрушился вниз на округлое тельце Лацерны. Защитник Мейсона был больше Лацерны в два раза и, родившись речным драконом, располагал длинным змееподобным телом, которым сейчас и заключил родственницу в тиски. Лацерна царапала и кусала белесую чешую противника, но Навис, словно удав, постепенно затягивал петлю. Игнорируя недоумение наследников четырех семей, глава Драконов, опираясь рукой на любимую трость, присел у Лацерны. Ее испуг был неподдельным. Души защитников лежали вдали от человеческих пороков, на самом краю тени хозяина. Драконам были знакомы ярость и жажда расправы, как и любой другой животный инстинкт; но обман, исключительно человеческий порок, оставался им неведом. Потому поведение Лацерны глава рода распознал по-своему.

– Милая, – начал он, но дракониха перебила его, протяжно взвыв. – Не бойся. Джонасу ничего не грозит, – пообещал Маттео, касаясь двумя пальцами темно-красной кожи зверя. Вой сошел на нет, и дракониха закрыла глаза, не в силах бороться с Навязанным сном.

* * *

Айя задыхалась. Она медленно брела по коридору, хватаясь за стены. Сердце, казалось, вот-вот разорвется. Ранее светлые стены потонули во мраке, а перед глазами орлиной наследницы возникла пугающая темная пелена. Рука в поисках опоры провалилась, и Айя упала в приоткрытую дверь. Судя по тишине, это был не класс для занятий, а маленькая комната – кажется, та самая, где она наставляла Джонаса. Запах тот же. Айя мысленно поблагодарила Санкти, что боль накинулась не сразу – она успела отойти от матери не заподозренная, и даже Глубина остался возле донума, молча уважив просьбу подопечной. Но слабая тошнота давно ушла, и теперь ее легкие горели в груди, норовя расплавить ребра. Принцесса догадывалась, что медальон сработал не так, как ей хотелось.

Испытать его не было времени – за три дня до Представления Айя еще не знала о существовании артефакта. А когда узнала, то почувствовала громадное облегчение. Их спасение было совсем рядом, в королевской сокровищнице! Лежало практически на виду, в то время как Айя уже отчаялась найти выход. Полученный в уплату долга десятилетия назад медальон мог решить проблемы Джонаса с Представлением раз и навсегда. И если бы он сработал как нужно, то ни один, даже самый искусный, маг не уличил бы наследника Драконов во лжи. Ему больше не требовалось бы выдумывать глупые оправдания, подстраивать несчастные случаи… Правда, риск все же был: как призналась Айе полоумная прабабка Куниц, сама она медальоном никогда не пользовалась. Знала только, что артефакт передавал магию одного человека другому, будто мост между двумя берегами. Куница получила его в наследство от своей матери, а та – от своей; творец медальона терялся где-то в начале их семейного древа. Старая Куница клялась, что его использовали как оберег, который вешали на шею больному ребенку. Через медальон мать делилась своей магией, защищая дитя от рук смерти, пока тот не окрепнет. Расстояние между ними не имело значения – Куница рассказывала, что ребенок мог находиться за сотни километров от матери, но все равно чувствовал ее силу. Однако все это были только истории.

Айя решила, что раз магия, переданная через медальон, поддерживает жизнь в слабом малыше, не калеча его, то Джонасу точно ничего не грозит. Да и другого выхода у них не было. Принцессу немного забавляла мысль о том, что она станет для друга «матушкой», но это, бесспорно, лучше, нежели во второй раз отправить драконьего наследника в больницу с переломом ноги накануне Представления.

Айя попыталась подняться с пола, опираясь на стену, но руки дрожали и не слушались. Спасительный амулет оказался неконтролируемым – он вытягивал из нее все силы, передавая их Джонасу, и принцесса не могла оборвать эту связь. Ее магия не была бесконечной. Айя не знала, что последует за полным опустошением – никто и никогда не доводил себя до той стадии, когда последняя частичка Владык покидает тело.

Принцесса больше не чувствовала ног; ее вздохи превратились в хрипы. Из носа по контуру губ потекла липкая кровь, и Айя подумала, что это будет самая нелепая смерть за всю историю ее рода. Погибнуть, валяясь на полу в кладовой в день Представления – похоже, принцессу запомнят не столько убийцей, сколько неудачницей.

В ушах гудело, отчего она не услышала шаги, раздавшиеся совсем рядом. Затем голову девушки резко подняли вверх, а на запястье оказались чужие пальцы. Из-за пелены на глазах Айя едва различала свет в дверном проеме, а размытое лицо Глубины и вовсе выглядело черной маской с пустыми глазницами.

«Твое настоящее лицо», – неожиданно поняла принцесса. Спустя миг она ощутила, как по венам растекается целительная магия. Без лишних слов – маг воды редко спрашивал разрешения.

Свет иссяк так же быстро, как и появился, оставляя за собой поразительную пустоту. Глубина рывком поднял ее на руки и направился к двери, чувствуя, как от волнения учащается пульс. Охранник отвечал головой за жизнь принцессы, и еще не настал тот день, когда он будет готов понести это наказание.

– Положи меня обратно, – сказала Айя, ударив его вялой ладонью в плечо. До двери оставалось полшага, но охранник остановился, ожидая объяснений.

– Нельзя к лекарям, – прохрипела наследница трона, и мужчина целую секунду всерьез подумывал отправить ее в Навязанный сон. – Положи меня на пол и закрой дверь, – твердо повторила она, и Глубина услышал в словах явный приказ.

Деревянное полотно оборвало поток света, повинуясь невидимой силе, и Айю вернули на прохладный пол. Она не чувствовала ног, ширился разрыв между мыслью и действием. Слова рождались, но язык высказывал их неохотно, устало, будто рот налился свинцом.

Глубина во второй раз обхватил пальцами запястье принцессы. Мужчина недоуменно пробормотал:

– Магию буквально затягивает…

А после добавил:

– Айя, я не понимаю, что происходит. Тебе нужен настоящий целитель.

Принцесса покачала головой, и Долор холодно уточнил:

– Хочешь остаться здесь и рискнуть жизнью?

«Ходишь по лезвию ножа, принцесса. И подставляешь меня». Это злило Глубину больше, чем он мог себе позволить.

– Мечтаю, – прохрипела Айя. Ресницы дрогнули, и ее взгляд заметался в поисках чего-то. – Моя магия уходит, – прохрипела девушка, не скрывая страха. Перед ее глазами теперь было одно темное пятно без просвета. – К Джонасу. Через амулет. Слишком много. Не могу… – Айя резко втянула воздух ртом, задыхаясь, – прервать.

К своему ужасу принцесса поняла, что ее страх не влияет на передачу магии. Сердце билось в груди, будто раненая птаха, но сила все равно покидала ее.

Глубина склонился над лицом Айи. Теперь он понял, почему целительный свет так затягивался в руки принцессы – подопечная искала способ сохранить жизнь,

хватаясь за чужую магию как за соломинку.

Охранник стиснул зубы.

– Что я должен сделать? – спросил он, понимая, что Айя не хочет раскрывать свой план перед другими наследниками, иначе позволила бы вынести себя из кладовки.

Принцесса чуть растянула губы в улыбке, радуясь, что он не стал тратить время на пустые убеждения.

– Не мешай, – попросила она. – Джонас… остановится… – Айя закрыла глаза, и последние слова Глубина едва расслышал, – сам.

Долор зло пробормотал что-то себе под нос. Он считал Джонаса слабым огненным магом – похоже, все оказалось настолько плохо, что Айя решилась помочь наследнику Драконов с Представлением, используя странный проводник, контроль над которым она в итоге потеряла. И сейчас принцесса хотела, чтобы он просто ждал, пока мальчишка наиграется в донуме, рискуя ее жизнью.

«О, Владыки, когда же закончатся ее сумасбродства? – молча возмутился Долор, впрочем, зная ответ. – Возможно, сегодня. Если я не помогу ей».

Охранник закатал рукава рубахи. Просто ждать он точно не собирался. Опустившись на колени, Глубина прижал свободную ладонь к основанию шеи принцессы.

– Забирай.

– Что? – спросила Айя, чуть повернув голову к Глубине.

– Магию. Вытягивай из меня и продержишься до конца Представления. Будет холодно, – предупредил мужчина, вдыхая полной грудью. Он должен уберечь жизнь подопечной, а значит, злость и страх придется усмирить, иначе сердце даст сбой и все попытки будут напрасны.

Айя сглотнула. Это ведь выход! Джонас не знает, чем обернулась затея с медальоном, и не знает (вопреки тому, что она сказала Глубине), как контролировать их связь со своей стороны. Оставался только один вариант – разорвать связь вместо Джонаса, но его руками. Принцесса надеялась, что вода, которая сменит огонь, напугает друга достаточно, чтобы тут же оборвать передачу.

Робкий кивок в темноту, и первая волна, сорвавшись с пальцев охранника, без предупреждения ринулась к ее сердцу, вызвав испуганный вздох. Айю охватили чувства, противоположные приятному теплу от синего пламени. Будто ее, жительницу пылающей гряды гор, толкнули в ледяное озеро, не научив плавать. Крупная дрожь охватила тело, и принцесса со свистом втянула ртом воздух, надеясь согреться. Как живет Глубина с таким холодом? Перо его души наверняка замерзло в вечных льдах, а сердце научилось перегонять по венам не только кровь, но и жидкий лед. Айя знала, что большинство водных магов питает холодный колодец силы; но Глубина, похоже, и в нем достиг самого дна.

Одной-единственной крупинкой тепла Долора была крепкая ладонь, которую Айя накрыла своей, стараясь не утонуть в потоке чужой силы.

Так они ждали. Одни, в небольшой комнате, разделяя магию на двоих. Желая уберечь и тайну, и жизнь. Айя молила Владык, чтобы этот раз, когда Глубина стал на ее сторону, не оказался последним.

* * *

«Постой, безумие! Верни мне тело, отдай голову, исчезни прочь из иссякающей души. Мысли, о бедные дети уставшего разума, умойтесь от черной копоти. Вы сочитесь смолой рядом с пламенем, и горе идет, угрожая расправой. Кто создал эту силу? Санкти или Тенебрис? Как же я слаб. Как бесконечен огонь! Прошу, Айя, забери это пламя. Твое сердце его создает, оно и должно с ним жить. Тебе под силу дикое творение, оно – привычный камень, вес, с которым свыклись твои плечи. Отдай мне руки. Уйди из ног. Молю, верни ко второму сердцу…»

Джонас оказался закован в собственном теле. Руки не слушались, юноша не мог сделать и шага. Влажное от пота лицо раскраснелось, а взгляд метался из стороны в сторону в поисках спасения. Эйфория давно утихла; радость от могущества быстро обратилась в отчаяние.

«Отдал себя в угоду магии, так просто! Донум не откроется, пока огонь исходит из моих рук. Только бы сдвинуться с места, перебороть свое же тело…»

Пламя танцевало на поверхности шара, но Глас оставался холоден. Джонас уже не думал о том, удался ли обман. Он хотел спастись. Пламя все появлялось и появлялось, будто бесконечная огненная река, и страшная мысль промелькнула в голове драконьего наследника: «Почему Айя до сих пор не остановилась?» Почему отдает так много? Даже ее магии должен быть предел.

– Что с тобой? – одними губами прошептал Джонас.

Испуганное сердце пропустило удар, и мир переменился. Огонь исчез, и донум стал наполняться паром. Драконий сын, не поспевая за происходящим, по наитию отпрянул к самой стене, подальше от Гласа. О Владыки, он вновь чувствует свои ноги!

– Что… – вырвалось из его горла, и юноша испуганно прижал ладонь ко рту.

Огня больше не было, а туман, насыщаясь водой, закрыл Джонаса от глаз Анте. Медальон на груди остыл, и кожа вокруг покрылась испариной. Драконий сын оторвал амулет от себя, спрятав его в карман. Каждый вдох давался сложнее предыдущего, и Джонас, недолго думая, бросился из зала. Дверь открылась, и он вывалился в коридор, на всеобщее обозрение наследников, которые не знали, что происходило в стенах зала.

– Сын, – довольно протянул драконий глава и тут же замолчал, заметив состояние отпрыска. Джонас тяжело дышал, пряча руки в карманах влажного сюртука, а зрачки, едва видимые из-за его прищуренных от яркого света глаз, метались, пытаясь рассмотреть всех присутствующих.

– Я уже, папа, – рассеянно сообщил наследник, остановив ошалелый взгляд на Нависе. Дракон, сложив лапы на бесчувственной Лацерне, даже не отвел глаза. Добыча оставалась добычей, и не в правилах хищника было стыдиться победы.

– Пошел прочь! – накинулся Джонас на защитника брата, и, к удивлению присутствующих, голос наследника наполнился яростью. На глазах у заинтригованной знати сын Драконов замахнулся на Нависа, но тот,

почувствовав настроение соперника, легко соскользнул с добычи и тотчас исчез в коридоре. Джонас, вовремя вспомнив о тайной ноше, придержал левую руку в кармане, правой поднимая тельце Лацерны. Бросив отцу краткое «Я ненадолго», он ринулся вслед за драконом брата. Интуиция подсказывала, что длинный хвост защитника приведет его к Мейсону, а сам брат наверняка где-то возле Айи. Следит за ней, как за диким зверем, которого нужно усмирить при первом же проявлении опасности. Мейсон невзлюбил наследницу престола еще со школьных времен, и с годами это чувство только крепло.

Джонас оказался прав. У единственной закрытой двери за поворотом коридора, прислонившись к косяку, без движения стоял хозяин Нависа. В коридоре Мейсон был один. Белесый дракон, сложив кольцами свое извилистое тело у его ног, шипел не переставая, словно хозяин понимал его нечеловеческий язык. Клокочущее сердце Джонаса, еще не забыв сладость могущества, просило сорваться на брата, но юноша сдержался, удивляясь чужеродной злости, вспенившейся внутри его тела. Рука Джонаса в кармане дрогнула, покрепче сжав опасный амулет. Магия будто перевернула верх дном его личность, вытащив на свет злость и старые обиды – все то, чему он старался не потворствовать.

Джонас остановился напротив брата, собираясь, если понадобится, силой прорваться в комнату позади него.

«Наверное, не пустит. Спросит, что нужно. Выскажется по поводу внешнего вида и поругает за отношение к Навису. Или же сообщит, что знает о происходящем?» – Джонас перебирал варианты, будто листки бумаги. О том, что Айя за дверью, он не сомневался.

– Проходи.

Одно тягучее слово, и весь пыл Джонаса испарился, словно капля под палящим солнцем. Мейсон опустил дверную ручку и отступил в сторону. Джонас, бросив на брата испуганный взгляд, сделал шаг в темноту, привыкая к скудному освещению. Он не был готов к тому, что увидит. Дверь за его спиной захлопнулась сама, и знакомое чувство липкой рукой коснулось шеи. В донуме было так же страшно.

– Медальон давай! – донесся из недр комнаты обозленный голос, и наследник Драконов испустил облегченный вздох. Айя не одна.

Перед его глазами словно из ниоткуда появился Глубина и вырвал протянутый артефакт. Настроение охранника легко угадывалось. Джонас, возрадовавшись присутствию сильного мага рядом с принцессой, не сразу понял всю уязвимость своего положения. Однако Долора сейчас больше интересовал медальон, который он тут же заковал в водную сферу.

Глаза быстро привыкли в темноте. Джонас положил спящую Лацерну у двери и двинулся вглубь комнаты. Он присел возле принцессы, чувствуя, как страх холодит кожу.

– Айя, – прошептал юноша, но подруга не отозвалась. Он потянул к ней руки и сразу отдернул их – по пальцам ударила вода, накрыв принцессу куполом, словно щитом.

– Не стоит, – предупредил Глубина, не сводя взгляда с медальона. Спрашивать о причине наследник Драконов не рискнул.

– Айя? – протянул обессиленный Джонас, надеясь, что страх в его голосе беспричинен. – Она жива?

– Еще да. Благодаря чему ты тоже пока жив.

Джонас сглотнул. Угроза была предельно ясной. Вода над рукой Глубины испарилась, и он, зарычав, кинул медальон на пол, избегая прикосновения к опасному предмету.

– Ее магия сейчас внутри тебя?

Вопрос при иных обстоятельствах вызвал бы удивление у Джонаса. Однако сейчас драконий наследник понимал, что Долор, снизойдя до разговора, не станет долго ждать ответа.

Наследник Драконов выложил все как на духу:

– Уже нет. Там, в донуме поток огня не прекращался, я не мог и пальцем пошевелить. Но потом… – Юноша запнулся. – Я не знаю почему, но огонь стал паром. Я смог двигаться и сразу выбрался из зала.

– Из нее, – надзиратель бросил настороженный взгляд на подопечную, – до сих пор уходит магия. Но не к тебе. Куда?

– В амулет? – робко предположил Джонас, подползая ближе к подруге.

Глубина тут же отмел эту идею:

– Кроме Анте, ни один предмет не может хранить магию. В медальоне нет сердца, где бы она накапливалась. В нем нет древесины анимы, способной удерживать магию, – я бы это почувствовал. Но сила принцессы все еще проходит через амулет и исчезает.

Напряженный мужчина подошел к отброшенному медальону. Тот поднялся в воздух, крутясь в вихре воды, и Глубина, распаляясь, прошипел:

– Он должен был уже сжаться до размеров песчинки, но этот кусок металла сопротивляется так, будто имеет собственную магию. Моя сила для него – ничто.

Водный поток стал совсем слабым, и амулет, жалобно звякнув, вновь оказался на полу. Глубина чувствовал, как гнев вытесняет магию из сердца. Так не пойдет. Он повернулся к Джонасу, от вопросов перейдя к приказам:

– Сожги медальон. Посмотрим, как он отреагирует на огонь вне донума.

– Я… – запнулся наследник, пряча глаза. Кажется, Айя даже под страхом смерти не открыла Глубине его секрет.

Молчание было мучительным, и с каждой его секундой надзиратель принцессы все больше верил своим убеждениям. У Айи не было друзей, и даже Джонас, на чью сторону она становилась без расспросов, не спешил ей помочь.

Драконий наследник боялся поднять глаза. Лица охранника он, хвала Санкти, в темноте не различал. Джонас плохо знал этого человека, хотя Долор уже два

года служил принцессе. Охранника Айи окружал ворох слухов; много говорили и о силе в его руках. Джонас нервно сглотнул, на секунду представив, как Долор обернет свой дар против него, если он откажется.

– Принцесса запретила мне выдавать вас. Я сидел здесь, наблюдая, как она иссыхает без магии. Без моего вмешательства Айя уже оказалась бы выше драконьих звезд, а ты еще раздумываешь?! – Глубина навис над юношей, готовый силой заставить его использовать огненный дар. И плевать на гнев целого драконьего рода, если они выращивают таких трусов.

Глухой рык прервал стремящийся в пропасть жизненный путь Джонаса, и выход, родившись в голове подобно молнии, озарил его отчаянную голову.

– Лацерна! – облегченно вскрикнул наследник, потянувшись к своей защитнице. О том, что она в комнате, Джонас напрочь забыл. Дракониха, продираясь сквозь Навязанный сон, по-собачьи потрусила головой, миг спустя оказавшись зажатой в объятиях своего хозяина.

– Моя магия слаба, но сила Лацерны – нет! Она может разрушить весь донум, а медальон без сердца не сравнится с силой Анте, ты сам сказал, – протараторил Джонас, поднося недовольную пробуждением защитницу к амулету. Она повела носом и тут же вырвалась из рук юноши, издав хриплый рев. В янтарных глазах Лацерны, которые в темноте казались огоньками свечей, читалась настороженность, и Джонас поубавил возбуждение в голосе:

– Жаль, что до Представления мы не обратили на твой рев никакого внимания. Прошу, сожги амулет!

Уговаривать Лацерну не пришлось. Своего хозяина она понимала с полуслова, а одной мольбы в его голосе вполне хватило бы, чтобы спалить не только амулет, но и сам донум.

Глубина присел рядом с Айей, накрыв пальцами ее запястье, пока пламя из драконьей пасти проворно расправлялось с источником их бед. Медальон таял, словно зефир в огне. Неожиданно в голове охранника возникла мысль, что они могут ошибаться. Но поворачивать назад было поздно.

Поток огня прекратился, и Лацерна издала победный клич, причмокнув губами. От артефакта не осталось и следа. Джонас наклонился к Айе, желая проверить ее состояние, и тут же растерянно ойкнул. Глаза принцессы были широко открыты, а рот замер в немом крике.

Глубина, положив руку на затылок подопечной, медленно приподнял ее голову, и дыхание принцессы опалило его кожу.

– Все закончилось, – сообщил он, видя, что Айя очнулась. Однако душа ее, как показалось стражу, была еще не с ними.

Интересно, где пряталось сознание девушки с тех пор, как она перестала отзываться на свое имя? Внушал ли другой мир страх или причиной немого крика, застывшего на губах принцессы, стало то, что ее вырвали оттуда?

Джонас, не дожидаясь слов, аккуратно обнял подругу, бормоча извинения. Лацерна, довольная собой, подползла ближе и улеглась на ноги Айи. «Словно кошка придавила мышь лапой», – мысленно сострил Глубина и сам поразился тому, как быстро произошедшее для него уже стало прошлым. Он потянул носом, ощущая, как воздух наполняет легкие, растворяя напряжение. Стоило расслабиться. За один спокойный вздох ничего не успеет произойти.

Айя же считала иначе. За тот последний вздох на грани жизни и смерти ее мир изменился. Принцесса чувствовала, как сдвинулась с места стрелка ее компаса жизни. Лацерна, грея своим телом ее замерзшие ноги, не сводила с девушки осознанного взгляда. Дракониха была довольна.

* * *

Дверь донума закрылась очень тихо.

– Спасибо, – пробормотала в пустоту Айя, уверенная, что зал щадит ее гудящую от боли голову, по которой последние пару часов, похоже, топтались все защитники Медведей.

Принцесса, не испытывая и малейшего воодушевления, села прямо на пол у Гласа Владык. Путь от комнаты, где она едва не простилась с жизнью, до зала

отнял последние силы. В ушах еще звенел голос матери за минуту до Представления: орлиная королева не собиралась отчитывать дочь при других, но ее острое «Поговорим позже» сулило принцессе познание всей глубины стыда в ближайшее время. Мать была разгневана, ведь Айя пропустила свою очередь, и после Джонаса в донум зашел Мейсон. Принцесса знала, что, не ровен час, ее нарекут самой несобранной наследницей в этом году. Вдобавок к прочим «титулам».

– Поговорим? – Айя подняла голову к матовому шару. Если верить древним историям, то в нем хранилось перо создателя, способное тысячи лет удерживать магию. Принцессе сложно было воспринимать шар как бездушный предмет, пусть даже в его природе до конца не разобрался ни один служитель Санкти. Она представляла Анте чем-то вроде Владыки, но куда более человечным и близким, нежели настоящие Санкти.

Айя верила, что шар может слышать; надеялась, что он поймет и передаст Владыкам все, что она собиралась сказать.

Девушка протянула руку и коснулась стеклянного тела. Определитель, Судья, Вечный Взор, безразличный Анте – как только не называли Глас те, кто не удостоился чести быть избранным им. Принцесса никогда не проклинала шар за проигрыш – хотя бы потому, что выигрывала каждое Представление, в котором участвовала с пятнадцати лет. Мало кто удивлялся ее завидным успехам, ведь все участники Представления задолго до его начала знали, кто станет победителем.

– Тебе сегодня досталось, да? – спросила девушка, мягко скользя пальцами по холодной поверхности. Она обращалась к шару словно к старому другу. – Мой огонь уже внутри тебя – думаю, ты удивился. Я никогда не обрушивала столько силы на твое тело. Тем более через чужие руки. Но ты сразу уличил Джонаса в обмане, да?

Пальцы принцессы замерли.

– Способен распознать малое, но не видишь большего. Как бы ни старались Владыки, времена, когда их Глас мог выбирать, давно прошли.

Скинув туфли с усталых ступней, Айя поднялась на ноги, чувствуя, как меняется почва под ее ногами. Внутри донума цвели иллюзии. Комната виделась принцессе частицей леса: под ногами пружинил грунт, а над головой, за ажурной тенью листвы, в небе сияли звезды. Внутри анимы правила ночь – благодатное время для вора и лжеца, который хочет поведать свои тайны.

Наследница Орлов покрепче вцепилась руками в шар, словно Глас мог выбить опору из-под ног. Айя хотела закончить начатое. Анте был единственной связью с Владыками, наиболее доступной возможностью получить от них ответ, пусть везло далеко не каждому из тех, кто осмеливался задавать вопросы.

Принцесса сделала глубокий вдох.

– Ты решаешь, кто достойнее, но еще раньше за тебя решают, кто будет самым сильным в назначенный день. Все наследники, кроме одного, накануне Представления отдают большую часть своей магии защитникам. Они заходят в донум ослабленными, атакуют едва ли в половину своих возможностей. Ты сравниваешь силы и легко определяешь победителя, не догадываясь, что его имя король назвал еще до Представления. Таким образом моя семья год за годом выигрывает Представления и правит уже столетие. До этого короны на своих головах несли Драконы, еще с тех времен, когда школа открыла двери первым ученикам. Куницы и Медведи едва помнят имена своих королей – их было настолько мало, что и правлением это назвать нельзя. Как Владыки позволяют подобный обман? Где их гнев? Либо им действительно все равно, кто правит от их имени, либо они давно отвернулись от нас. Либо… – Айя запнулась, – Санкти очень заняты сокрытием того, что я увидела.

Дальнейшее принцесса выпалила на одном дыхании:

– Пока Джонас тратил остатки моей силы, меня утянуло в сон, слишком реальный, чтобы его забыть. Я парила над бескрайним морем, и солнце жгло мне глаза. На горизонте в ярких лучах сияла одинокая жемчужина – белый храм, который рос из воды. Я чувствовала присутствие Владык в каждой частице земли, в каждой капле моря, хоть и не видела их тени над головой. Я слышала шелест крыльев за спиной. Равиль, моя защитница, несла меня к храму. Владыки давно забрали ее в Вечный Океан, но во сне позволили полететь со мной.

Айя прижала руку к плечу, будто вновь ощутив на нем тяжесть птицы.

– Вода вокруг начала таять. От бескрайнего моря остались небольшое озеро, храм и два рукава реки. Один утекал вдаль, к землям, которые не различат даже мои глаза; второй разливался под ногами, тянулся к просторам за моей спиной. – Айя перевела дух. Страх и подозрение смешались в едином порыве, и слова, первые дети намерения, слетели с губ: – Я знаю, что это не простой сон. Пусть я и устала, пусть в тот миг была на грани смерти. Едва увидела храм, как сердце заныло от тоски. Словно эта святыня – все, к чему я стремилась в жизни. Единственная цель, конец моего пути.

Принцесса замолчала, собираясь с силами.

– Как только я попыталась рассмотреть храм, Равиль потянула меня назад, да так быстро, словно я увидела больше, чем должна была. Но ее крылья оказались не так быстры. Я рассмотрела второй рукав реки, который тянулся к землям за моей спиной. У самого берега на небольшом холме стоял дом, который я, хоть во сне, хоть наяву, отличу и по одному камню.

Принцесса, опуская голову к самой поверхности шара, тихо пояснила:

– Это был дом Джонаса. Гнездо Драконов, которое на самом деле построено у конца Драконьей реки, там, где она впадает в Мертвое море. – В голосе Айи зазвучал гнев. – И нет дальше него никакого озерного храма, построенного за границей тени Владык. Но эти стены так же реальны, как и Санкти над моей головой, я уверена. Потому спрошу, и ты передай им мои слова: почему вы скрываете храм от чужих глаз?

В вопрос Айя вложила всю твердость, на которую была способна. Слова повисли в воздухе. Анте молчал, и, казалось, внутри анимы пропали все звуки. Неужели принцесса думала, что так просто получит ответ? Что легко сможет услышать голос Анте или самих Владык, и безмолвные доселе Санкти поведают, почему она увидела скрытое место?

Айя почувствовала, как запекло кожу рук, которая прикасалась к телу стеклянного шара. Вскрикнув от неожиданной боли, она оторвала ладони от Анте. Огонь, исчезая в теле Гласа, впервые навредил ее рукам. Анте загудел, покрываясь алым светом, и капля пота спустилась по спине принцессы. Это был голос Владык. До ужаса смущающий и ни капли не понятный. Похожая на оглушающий набат, их речь утихла так же быстро, как и началась.

«Ты хотела ответа, и вот он», – решила принцесса.

Айя вернула красные ладони на тело Анте. Стекло было холодным и тихим, словно не оно только что стало проводником для гласа существ, сотворивших мир. За спиной принцессы отворилась дверь, и указание Санкти стало предельно ясным.

«Пошла прочь», – вне сомнений, говорили они.

Айя, покорно склонив голову, покинула зал, радуясь, что не накликала на себя бо?льшую беду. Гнев Санкти – это не привычное порицание, а значит, она определенно была права, не отпустив нить тайны, которую – случайно ли? – ухватила. А чужой секрет вполне можно использовать для защиты Джонаса. Особенно если он принадлежит самим Владыкам.

3. Орлиные повадки

В череде происшествий Айя и думать забыла о собственном долге в день Представления. Стоило принцессе оказаться спиной к дверям донума и лицом к матери, как осознание забилось в голове, будто колокол на центральной площади.

Она отдала Джонасу слишком много магии, и тот остаток, прибереженный для собственного испытания, исчез в теле Анте быстрее, чем сгорает щепка в огне. На немой вопрос в глазах королевы Айя растянула губы в улыбке, словно говоря, что в донуме она показала все, на что была способна. Принцесса соврала, глядя в прямо глаза матери, и стыд липкой волной прокатился от макушки до кончиков пальцев.

Пока в зал провожали одну из дочерей Медведей, Айя проскользнула мимо заинтересованных взглядов в поисках уголка, где окажется как можно меньше словоохотливых собеседников. Ноги привели ее в северный коридор, который большую часть жаркого дня был в тени. Единственное не закрытое цветным стеклом окно пропускало знойный воздух; принцесса остановилась рядом с Глубиной и облокотилась на каменный подоконник. От рук ее охранника по

стене полз ощутимый холодок. Чувствуя, как остывает воздух вокруг, Айя в очередной раз обрадовалась тому, что Долор не выносит жару.

Они простояли в тишине некоторое время, наблюдая, как медленно двигаются тени по зеленой траве. Окно выходило на внутренний дворик между двумя корпусами школы, где приютились теплицы, закрытые месяц назад. Недавно во внешнем дворе построили новые; а эти, старые и маленькие, с потрескавшимися откосами и мутными стеклами, теперь были местом сборищ школьников, прогуливающих уроки. Сейчас в теплицах было пусто, и Айе нестерпимо захотелось спуститься вниз, открыть одну из перекошенных дверец и уснуть на старой деревянной скамье у входа. В тишине, покое, среди запаха тех растений, которым не нашлось места в новых теплицах.

Замечтавшись, принцесса не сразу заметила протянутую к ней руку. Глубина, казалось, прочитал ее мысли – в его раскрытой ладони лежал медный ключ.

– От теплиц, – пояснил он, и глаза наследницы просветлели. – Там тебя искать не будут, – пообещал мужчина, наблюдая, как смыкаются пальцы над его ладонью. Руки Айи всегда были горячими, как разворошенные угли, однако сейчас казались едва теплее его кожи.

– Украл? – поинтересовалась принцесса, польщенная предусмотрительностью своего охранника.

На ее вопрос Глубина лишь загадочно улыбнулся.

«Чудеса, да и только», – подумала Айя, завороженная нежданной улыбкой. Долор редко улыбался – такие случаи можно было пересчитать по пальцам. Более того, он не стал допытываться у нее о произошедшем в донуме, видно, понимая, что она устала. Охранник был сам не свой: пусть он и выглядел спокойным, но Айя чувствовала, что это напускное. Ей казалось, Глубина ожидает чего-то. Пытаясь угадать, что у Долора на уме, принцесса направилась к лестнице, но замерла, едва услышала:

– Медальон, что ты дала Джонасу, мы уничтожили. Он продолжал передавать твою магию и после того, как Дракон вышел из донума, только не ему. Сила растекалась вокруг школы, никем не контролируемая. Ее последствия ты увидишь, когда окажешься внизу.

Легкость в теле тут же исчезла, и Айя, перескакивая через одну ступеньку, влетела в закрытый дворик, остановившись перед теплицами. С высоты четвертого этажа сложно было понять, что имел в виду охранник, однако загадка решилась сама, стоило принцессе спуститься. Земля между теплицами была черной. Похоже, огонь бушевал под слоем грунта. Стены теплиц уцелели, но, всмотревшись в мутные окна, орлиная наследница увидела горсти пепла там, где некогда были растения.

– Я поняла, – прошептала она, отворяя теплицу. Запах гари отмел все сомнения, и принцесса захлопнула дверь, чувствуя, как дрожат руки.

Сожаление не могло изменить содеянного – оставалось только принять ущерб. Восстановить растения было несложно, однако Айе очень повезло, что в теплицах не оказалось людей. Глубина указывал на ее беспечность – дочь короля не подумала о том, что, пытаясь помочь другу, могла невольно причинить вред другим.

«Не верь тем, кому однажды перешла дорогу, – всплыл в голове принцессы совет матери. – А от тех, кому путь перешла дважды, – беги».

* * *

Никто не знал, когда оживет статуя победителя, но многовековая практика показывала, что результатов стоило ждать не раньше вечера. Интерес, с которым поначалу собирались люди у каменных статуй, угасал к полудню и возрождался только ко времени, когда солнце касалось земли. Маги, весь день развлекаясь в саду, к заходу солнца теряли чувство обособленности, и границы между приверженцами того или иного рода стирались.

Чтобы неравнодушные слуги короны не скучали, еще в полдень в сад городской школы приехали артисты. На лужайках вокруг главного корпуса разместились певицы в пышных юбках, зазывалы с блестящими глазами и иллюзионисты с ярким реквизитом. Последним вообще отдавало предпочтение большинство присутствующих: взрослые наряду с детьми засовывали головы в большие мыльные пузыри, рассматривая прячущиеся в них миражи. В одном пузыре можно было наблюдать за табуном лошадей с огненной гривой, а в другом – уже оказаться в топком болоте по соседству с жабой, которая вот-вот прыгнет на

голову.

Торговцы, верно чуя наживу, активно предлагали свой товар, шастая между восхищенными гостями. Их зычные голоса порой перекрикивали даже громких певиц, и столкновения интересов неизменно заканчивались руганью, изрядно забавлявшей народ. Жители столицы привыкли к разнообразию кудесников в большой праздник, а потому уже не удивлялись масштабам, которые принял нынешний день Представления. Не чахнуть же в ожидании тем, кого не пускают дальше сада.

Антея, утром заняв ближайшую к статуе Орла скамью, все еще сидела на ней, подобрав под себя ноги. Однообразное ожидание гасило в зародыше любой всполох веселья – девочка игнорировала и зазывал, и певиц, и местные склоки, стараясь не сводить глаз с глыбы камня, которой уже давно пора было ожить.

«Вот сейчас, – думала она, боясь даже моргнуть. – Сейча-а-ас…»

– Антея, – протянул за спиной знакомый голос. На кудрявую голову опустилась чужая ладонь, путаясь в непослушных волосах. Перед лицом возникли наглая одноклассница, с которой дружба никак не вязалась, и более слабые девочки, хвостиком вьющиеся за своей предводительницей.

– Все ждешь? Будь орел живым, он улетел бы в страхе! Принцесса-то от тебя тоже бегает, – с издевкой протянула ненавистная знакомая. Антея, пряча пунцовые щеки за волосами, сделала вид, что последних слов не слышала:

– Жду. Немного осталось. – В ее голосе явно слышался вызов.

– Она все знает, – прошептала одна из девочек, картинно прижимая руку ко рту. Ее подруга, втягиваясь в игру, с такой же издевкой в голосе ответила:

– Потому что чувствует!

И обе залились звонким смехом.

Антея сжала в руках свой браслет из трав, жалея, что запястья ее недругов украшали схожие плетения. Землей землю побороть крайне сложно, да и любая

драка в школе каралась по всей строгости вне зависимости от праздника.

Громкий окрик слева от статуи Орла заставил ее забыть о желании постоять за себя. Пожилой человек неподалеку указал тростью в сторону суетящейся толпы и огорченно возвестил:

– Грядет смена короны.

Проследив за его рукой, Антея выронила травяной браслет и испуганно прижала ладони к груди. Она не хотела верить собственным глазам. Пока статуя Орла оставалась недвижной, каменный дракон ожил. Извиваясь всем телом, он с громоподобным ревом устремил пасть к небу. Каменные крылья поднялись, и поток воздуха, закружив пыль и листву, ринулся от земли ввысь. Женщины придерживали свои юбки, а дети хватались за родителей. Прогремело имя победителя. За минуту оно облетело присутствующих; кто-то произнес его со страхом, кто-то с обожанием и надеждой. Но как бы ни относились маги к Орлам или Драконам, перемены главенствующего рода пугали всех.

* * *

Карета подпрыгнула на ухабе, и Айя очнулась от воспоминаний. От усталости, сдавившей виски, не осталось и следа. Первый шаг к решению проблемы она сделала, заручившись поддержкой главы рода Драконов; остальное решит, как только вернется в отчий дом, где ее ждет мать. Разговора с ней принцесса опасалась куда больше угрозы в лице Мейсона.

* * *

Айя давно перестала считать королевский замок своим домом. Орлы жили в нем всего столетие, оставив свое поместье на попечение побочных ветвей семьи. Замок ничуть не походил на тихое родовое гнездо – скорее, на открытый мешок с сахаром, куда слетались разноцветные мухи. Гости, стража, рыцари, слуги короны, королевский совет, снова гости… И конечно же, монахи. Последние, хвала Санкти, появлялись в замке нечасто, но каждая встреча с ними для Айи оборачивалась неудачей. Служители Владык не приносили ей хороших новостей.

Не повезло и в этот раз: спеша в свою комнату, орлиная наследница не сразу увидела монаха Отриса – лысого и бледного старичка, чье лицо при виде принцессы вытянулось, будто на глаза ему попался не человек, а нечто среднее между ежом и ящерицей. Отрис скрестил руки на своем круглом животике, пряча розовые, как у ребенка, пальцы в рукава монашеской рясы. Он неловко поклонился и тут же прибавил шагу, будто боясь провести в обществе принцессы лишнюю секунду.

Еще до того, как дверь отворилась, Айя поняла, что в ее комнате кто-то есть. Королева сидела у окна, в плетеном кресле-качалке, вполоборота к дочери. На ее коленях, укрытых пледом, лежала небольшая прямоугольная рамка. Двумя днями ранее принцесса нашла ее в сокровищнице вместе со злополучным медальоном и перенесла в свою комнату. Ей казалось неправильным то, что портрет старшего брата, пусть и нарисованный углем, убрали подальше от чужих глаз. Так же поступили и с картинами маслом, на которых присутствовал орлиный наследник: их сняли со стен галереи, упрятав в сокровищницу, будто стеснялись изображенного на них подростка. Айя знала, что матери невыносимо любое упоминание об умершем сыне – сейчас, рассматривая его изображение, она неподвижно застыла в кресле. Казалось, что в теле Миранды умерло все, кроме пальцев – они аккуратно обводили контуры лица ребенка на портрете.

– Мама… – Немного помедлив, Айя присела у ее ног.

– Наколдуй мне огоньков, – попросила королева хриплым голосом.

Принцесса раздвинула тяжелые шторы, и тотчас в полых тарелках на окне заиграли белые язычки пламени. Они скользили по поверхности непрерывным кольцом, и очень скоро в комнате стало теплее.

Миранда благодарно кивнула.

– Моя мать говорила, что даже с самым сильным страхом в сердце можно создать белый огонек. Всего-то и нужно…

– …что пожелать тепла, – закончила за нее Айя, и королева улыбнулась. Языки пламени, танцуя в тарелке, открывали двери в прошлое, и память о волшебстве в руках бабушки на короткий миг согрела и объединила женщин.

– Я рада, что ты не забыла ее слова так же быстро, как мои.

Умиротворенная воспоминаниями о бабушке, Айя не сразу услышала упрек в словах матери. Конечно, королева ждала ее не ради разговора о почивших родственниках. После Представления им так и не удалось нормально поговорить: весь замок стоял на ушах, а отец, судя по сплетням служанок, погряз в делах, забыв о сне.

Стыд накатил волной, сжав горло, и принцесса поклялась себе еще раз, что как можно скорее решит проблему с Мейсоном.

– Ты игнорируешь и мои просьбы, и мои указания; твои поступки основываются на сиюминутной потребности, и никаких мыслей о последствиях. Ты проиграла. Наследница великого рода, гаранта мира не только среди подданных магов, но и среди сильнейших семей, ты позволила пошатнуться укладу, который существовал столетия до нашего поколения. Объясни мне, Айя, – королева поднялась, отложив портрет сына на подоконник, и мягкий плед неслышно сполз по ее ногам, – как ты могла проиграть, когда каждый из наследников, заходя в донум, имел при себе едва ли десятую часть силы? Медведи, Куницы и Драконы в день Представления были слабее детей, которые впервые ступают на порог школы, в то время как твоя сила предстала перед Анте в полной мере?

Айя опустила голову, не смея прерывать гневную речь матери. Наследница понимала ее злость, хорошо знала, какую беду призвала на их головы, но не могла иначе. Раз соврала однажды, то вынуждена врать до конца, и бросить Джонаса сейчас – все равно что самой ткнуть в него пальцем на глазах у монахов и прокричать «Виновен!».

– Смотри мне в глаза, – приказала мать, и Айя послушалась.

– Отцу не нужно сторониться драконьей семьи. Господин Маттео, которого он не принимает, засвидетельствовал мне свою преданность. Дядюшка не поддержит Мейсона в притязаниях на престол, – доложила принцесса, и ее голос прозвучал неестественно тонко.

– Ты ездила к Драконам? – возмутилась королева, хватая дочь за подбородок. – Откуда в тебе столько наглости, Айя? Где корень твоего безрассудства?! – Миранда отвернулась от принцессы, громко втянув носом воздух. Опустив руку

на полое блюдце, она наблюдала, как пламя охватило ее пальцы, не опаляя кожу.

– Мне стоило запереть тебя. Драконы должны были прийти к нам первыми.

– Отец не прини…

– Они должны были прийти с Мейсоном! – прервала ее королева. – Столица полнится слухами. Народ наблюдает за каждым решением короля. Совет, получив в свои руки доводы против нас, смелеет с каждым словом. Стоит одному прошептать, что хозяина короны пора менять, как его подхватит другой, за ним третий… Не пройдет и пары дней, как те, кто клялся в своей верности, соблазнятся мыслью о власти. И в это время дочь короля сама едет к Драконам! Ты видела Мейсона? – резко спросила женщина.

– Его не было дома.

– У мальчишки больше ума, чем у тебя.

Айя сцепила руки за спиной, понимая, что мать оскорбила ее не со зла.

– Зачем приходил монах Отрис? – робко поинтересовалась она, надеясь отвлечь матушку.

– Проверял. Надеюсь, ты еще помнишь, что не на лучшем счету у служителей Владык? Какими бы значимыми ни были должности, которые я жалую им, какими бы глубокими ни были мешки золота, которые я выделяю на нужды служителей, ничего из этого не умеряет их страх перед тобой! Они боятся мира под твоей властью, момента, когда ты наденешь корону на голову, поэтому Мейсон для них сродни спасителю, которого ты сама за руку подвела к престолу!

Укол достиг своей цели, и Айя скривилась, не в силах спрятать обиду. Миранда подошла к дочери, видя, что ничего, кроме непонимания со стороны собственного ребенка, не добилась. Женщина взяла ладонь принцессы в свои руки и с сожалением пояснила:

– Твоя жизнь – единственное, что заботит меня на протяжении долгих лет. Если сейчас мы потеряем корону, то вместе с ней исчезнет и твоя важность в глазах народа. Пройдет немного времени, и страх перед силой, однажды сорвавшейся с твоих рук, перевесит единственное чудо, ими же созданное. И как только служители придут за тобой, смерть снова окажется на пороге. – Миранда обняла дочь, и последние ее слова, сказанные полушепотом, Айя едва расслышала: – Потому что ни я, ни твой отец больше не позволим монахам забрать нашего ребенка.

Королева, поцеловав дочь в висок, покинула комнату, оставив принцессу в смятении. Упав на колени, Айя судорожно схватилась за плед, пряча в нем лицо. Перед глазами проносились картины прошлого: стена черного пламени, дым до самых звезд и люди, ищущие спасения. Рев защитников, погибающих в огне, и ее собственный крик – одна бесконечно повторяющаяся мольба:

«Вернись! Вернись!»

* * *

Миранда, покинув комнату дочери, столкнулась лицом к лицу с ее охранником. Сын кузнеца Долора, выходец из далеких Солнечных холмов, молчал, ожидая ее приказов. В глазах мужчины не было и намека на волнение – он не испытывал страха перед королевой ни в их первую встречу, ни сейчас. Миранде это не нравилось. Она и по сей день сомневалась в назначении Долора на пост личного охранника ее дочери. Он знал про Айю достаточно, чтобы испортить ей жизнь, но обладал настолько неоспоримыми преимуществами, что более подходящего телохранителя найти было сложно: талантливый маг воды, он не рвался угодить принцессе, совершенно не интересовался политикой и золотом. Последнее ему не единожды предлагали в обмен на подробности о жизни наследницы. Миранда лично тайно организовала несколько таких предложений, чтобы проверить его верность.

Благодаря Долору королева была в курсе событий, которые утаивала от нее дочь: от мелких провинностей вроде спора на деньги с сыном Куниц до более серьезных, за которые ей еще предстояло ответить. Но все это меркло перед одним огромным минусом – общим прошлым Айи и Долора, которое нельзя было игнорировать.

«Глубина», – процедила про себя Миранда, припомнив имя, которое, словно кличку собаке, выдала охраннику Айя, отказываясь называть его иначе. Дочь с яростным упрямством всегда вставала на его сторону – стоило только вспомнить случай, когда Миранда собиралась разжаловать Долора, найдя ему достойную замену. Тогда Айя, не размениваясь по мелочам, обратилась напрямую к отцу, отстаивая свое право выбирать личную охрану. Король уступил ей, признав, что она давно вышла из того возраста, когда мать должна принимать решения за нее. С тех пор Миранда потеряла право распоряжаться охраной дочери, но это не помешало ей заставить Долора докладывать о каждом шаге принцессы. Теперь она могла поддерживать в глазах Айи иллюзию самостоятельности, наблюдая при этом не только за ней, но и за Глубиной.

– Пойдем, – приказала королева, направляясь в гостевую комнату в восточном крыле замка, где она каждый пятый день недели принимала просителей. – Думаю, тебе есть что мне рассказать.

Глубина последовал за ней. Он привык балансировать между двумя орлицами, докладывая королеве об одних проступках ее дочери и скрывая при этом другие. Айя согласилась дорого заплатить за эту преданность, только чуть позже, когда их договор, заключенный два года назад, вступит в силу. Долора не пугало ожидание – оно держало его на плаву.

* * *

– Змея на горизонте уж давно к тебе белым брюхом повернулась, – раздалось над ухом, и Айя недовольно дернулась, медленно открывая глаза. Знакомое лицо расплывалось в потоке света, и принцесса, накрыв голову подушкой, пробурчала что-то невразумительное. Старая няня, которая по утрам будила королевское чадо, потянула на себя подушку, приговаривая: – Пора уж соне и честь знать: охранник твой с самого утра под дверью томится, пока ты сны досматриваешь. Не стыдно?

Наблюдая, как резво подскочила сонная принцесса, няня растянула сухие губы в улыбке. Да, она вырастила доброе дитя, хоть и спуску не давала. Не позволяла капризничать, зато всегда помогала в хороших начинаниях. Хвала Санкти, Айя, несмотря на тяжелое детство, смогла сохранить озорство, присущее детям, и не дала сердцу обратиться в камень. А иначе не прыгала бы сейчас по комнате, торопя служанок, с таким волнением в глазах. Каждый новый день она

встречала улыбкой и надеждой, что он принесет больше радостей, нежели бед.

Когда Айю одели в легкое ситцевое платье, пожилая женщина отпустила служанок, оставшись наедине с непослушными волосами принцессы. Девочку она теперь заплетала сама – ни у кого из молоденьких служанок не получалось совладать с пучком волос, что остался от некогда длинной косы. А в ее руках непослушные пряди, поутру торчащие во все стороны, становились гладкими и шелковистыми. Недаром же к ней стайкой бегали придворные дамы, с каждым днем суля все больше звонких монет. Только вот сначала Орлица, а после уж – на кого время останется. Но девчонка вряд ли оценит – вон как скулит, стоит только пройтись деревянными зубьями расчески по колтуну в волосах.

– Ты в своей кровати спала или по полу каталась? Отчего волосы на сноп соломы походят? – ругала принцессу няня, придерживая пальцами короткие пряди. Айя терпела, зная, что матушке, пусть и не по крови, лучше не возражать, не то нравоучения затянутся до полудня.

– Сон плохой снился, – пробурчала принцесса, поборов желание схватиться руками за голову.

– Как пришло, так и уйдет, – отмахнулась старая женщина, распутывая маленький узелок в волосах.

– Няня, ты разве не веришь снам? – удивилась Айя. – Сама же говорила, что через сны с нами говорят Санкти.

– Вот бы ты меня в остальном так же слушала, – укорила женщина, доплетая косу.

Айя замолчала. Не часто няня говорила как ее мать, но их речи в последнее время были похожи, словно соловьиные песни.

– Сразу посвежела, – ворковала старая женщина, пряча последнюю шпильку в косе. – Всего-то нужно было причесать да заплести. Вот она, молодость. – Видя, как у принцессы брови сошлись на переносице, женщина добавила: – Не снам надо верить, а себе самой, птенчик. Что это ты у меня совета спросить решила? Неужто снился возлюбленный?

Щеки Айи стали пунцовыми, и няня хрипло рассмеялась.

– Наконец-то вижу, что сердце у тебя девичье. А все мальчишкой прикидывалась. Живи своей жизнью, дитя. – Старуха погладила ее по щеке. – Не пытайся заменить родителям сына. Выйди замуж, сними с себя тяготы, что корона пророчит, а покой людей беречь оставь супругу. Женское счастье не во власти – в семье и детях. А ты в счастье больше других нуждаешься. Сама как-нибудь поймешь.

– Няня… – ошалело пролепетала Айя. Подобных откровений от вырастившей ее женщины она еще не слышала.

В дверь постучали. На пороге появился гонец и вручил принцессе запечатанный конверт. Увидев драконью печать на расплавленном сургуче, Айя не стала открывать письмо на глазах у няни. Подхватив со стула легкую накидку, она выскочила из комнаты.

– Здравствуй, – не глядя пробормотала принцесса Глубине, вскрывая конверт. Пробежав глазами пару строк на пергаменте, наследница внутренне возликовала.

«Попался!»

– После завтрака поедем в храм, – предупредила она. – Приготовь неприметную карету. Нам ни к чему лишнее внимание.

* * *

Когда принцесса спустилась в небольшую столовую, король уже закончил с основными блюдами. Его Величество пил кофе, вполуха слушая доклад министра. Краснеющий старичок взволнованно рассказывал о ситуации с арендаторами на границе со столицей; судя по его словам, на прибрежный участок претендовали, по меньшей мере, трое земледельцев, и споры за желанную территорию грозили вылиться в открытое противостояние. По правую сторону от короля сидела супруга – на ее лице застыло безучастное выражение, а взгляд блуждал где-то за окном. Айя знала, что матушка недовольна. Отец, заваленный делами, мог уделить внимание семье только во время завтрака,

и даже эти несчастные полчаса сейчас съедали проблемы арендаторов, которые ничуть не волновали Миранду.

Завидев дочь, Азариас прервал министра. Тот неуклюже отступил, едва не запнувшись о ножку стула.

– Доброго утра, дочка, – пожелал король, и Айя, подойдя, поцеловала отца в щеку.

– И тебе, папа.

Краем глаза принцесса заметила, как смягчилось лицо матери, как ее губы расплылись в улыбке. Королеву не могли тронуть тысячи жалоб подданных, но одно привычное проявление любви между мужем и дочерью из раза в раз заставляло ее сердце таять, как снег под весенним солнцем.

«Наверно, старость», – решила Айя, принимаясь за овощной салат и хрустящие гренки.

Министр продолжил свой доклад. Принцесса, быстро расправившись с едой, направилась к выходу из столовой, но остановилась у самых дверей. Там, у окна, стоял золоченый насест. На жердочке, крепко обхватив ее жилистыми лапами, дремал Регус, защитник короля. Свет из окна окутал птицу, словно плащ; темно-рыжее оперение орла походило на расплавленную бронзу. По левую сторону от насеста замер страж.

Айя легонько коснулась холки защитника – перышки под ее пальцами были мягкими, как пух на грудке птенца. Регус очнулся и обратил на нее тяжелый, мутный взгляд. Жалость набухла в груди принцессы, будто сухой ком земли, упавший в воду. Последний живой защитник орлиного рода, единственное доказательство того, что Санкти еще не отвернулись от правящей семьи. Регус был слишком ценен для короны, а потому монарх запретил ему покидать стены замка. Орла иногда выпускали полетать в Большом зале, и он часами парил у самого потолка, там, где за куполообразным окном просматривалось небо.

«Золотая клетка для защитника», – подумала принцесса. Одного взгляда на Регуса хватало, чтобы понять: смерть в свободном небе была ему ближе, чем жизнь среди удушающих стен. Но судьба защитника – жить тенью хозяина, и он

стойко нес свое бремя, ожидая мига, когда вновь будет свободен.

* * *

Глубина даже не удивился, когда кучер увел резвую четверку лошадей в другую сторону от поворота, ведущего к городскому собору. Высокие шпили монументального сооружения виднелись в окне кареты, молча порицая передумавших гостей. Айя, проследив за взглядом охранника, беспечно пояснила:

– Я же сказала «храм», не собор.

Карета, чуть подпрыгивая, проехала по деревянному мосту через реку. Петляющая дорога вывела к одному из тихих жилых кварталов в получасе езды от замка. Долор спустился первым и, прежде чем подать руку принцессе, огляделся. Меж старых двухэтажных домов приютился белостенный храм с единственным шпилем, блестящим в свете солнца. У калитки гостей уже ждали: лысый монах в длинной рясе склонился в поклоне, завидев королевскую дочь.

– Ваше Высочество, – сказал он, прижимая к груди тряпичную шапочку, – добро пожаловать!

Глубина, рассмотрев голову мужчины, напрягся. На гладком лбу, сбритых висках и промелькнувшем затылке не было ни единого символа служителя Владык. Человек перед ними, несмотря на его одеяние, точно не являлся монахом.

Долор сделал шаг вперед, не позволяя принцессе подойти к незнакомцу.

– Это не монах, – предупредил он подопечную, на что Айя издала свистящий звук, пытаясь скрыть смешок.

– Это архивариус, – пояснила она. – А я приехала не возносить молитвы Санкти.

Принцесса повернулась к служителю.

– Пойдемте, мастер.

Глубина проследовал за Айей, на ходу вытаскивая Ям-Арго из кармана. Он привык, что наследнице Орлов доставляет удовольствие испытывать пределы его терпения. Их отношения были обоюдоострым клинком, и каждый точил его со своей стороны.

Лысый служитель храма провел их мимо маленького зала, где в другой день покорные маги, не под стать принцессе, с молитвами на устах поднимали головы к прозрачному стеклу над головами. Судя по звенящей тишине, сейчас в зале не было ни единого человека. После праздника, во время которого к стенам храмов стекалась половина жителей столицы, всегда наступали дни тишины, когда ни один из магов не посещал обитель Владык. Глубина на миг представил, каково это: остаться одному в зале для молитв. Вкусить тот миг, когда между тобой и Владыкой нет лишних людей. В тишине рассмотреть едва видный узор на стекле, изображающий плывущего в небе Санкти, и тут же, если позволит погода, узреть его тело на небе. Все, что нужно человеку, который жаждет утешения. Долору захотелось приехать сюда еще раз, одному, и обратиться, наконец, к Владыкам, одновременно близким и бесконечно далеким.

Архивариус вел их вглубь храма, куда вход прихожанам и посетителям был закрыт. Служитель остановился у низкой двери и, прежде чем отворить ее, предупредил:

– Ваше Высочество, вы сообщили о своем визите слишком поздно – все, что мы успели, это открыть ранее запечатанный архив. В нашем храме только трое служащих, – пояснил он, – мы не смогли за одну ночь придать заброшенному хранилищу достойный вид.

– Меня не пугает пыль, мастер, – успокоила его принцесса.

Мужчина потянул на себя железную ручку. Дверь со скрипом открылась, и повеяло сыростью. Они прошли внутрь полутемного помещения, остановившись у первых стеллажей. Архивариус протянул гостям две масляные лампы; обе зажглись от легкого взмаха руки. Айя закашлялась, прикрывая нос ладонью. Глаза постепенно привыкали к скудному свету от тоненького огонька и единственного узкого окошка, терявшегося под самым потолком.

Заброшенный архив походил на чрево мертвого зверя, которого обглодали черви. Шаткие стеллажи, будто голые ребра, рядами тянулись вдоль стен; лестницы, словно истонченные мышцы, приросли к шкафам. Полки гнулись от сотен неряшливо сложенных книг: старые кожаные переплеты, пожелтевшие страницы и разорванные корешки фолиантов говорили о том, что их перевозили в спешке, особо не заботясь о сохранности. От архива отчетливо веяло пылью и еще больше – унынием. Архивариус, заметив выражение лица принцессы, принялся оправдываться:

– Мало кто интересуется столь старой хроникой, Ваше Высочество. Новые учетные книги хранят в городском соборе, а эти, старые, отправили к нам, как говорится, подальше от чужих глаз. Знаете ведь, время стирает всякую важность. Никому уже нет дела до отчетов о днях строительства, с которых не один век прошел. Храмы стоят, хвала Владыкам. Если вам что интересно – ищите, но я помочь не смогу. Сам едва знаком и с четвертью рукописей. Давно стоило придать их забвению, как и требовал совет служителей, однако не поднялась рука у нашего главы, монаха Отриса, сжечь книги. Сердобольный он человек, оттого и взял под крыло этот храм.

– Понимаю. – Принцесса помахала рукой перед лицом, стараясь хоть немного разогнать пыль.

Монах поклонился и оставил гостей одних. Айя оглянулась, чувствуя, как ее наполняет разочарование. В поисках нужных записей она погрязнет до следующего Представления; столько времени в запасе не имелось. Да и часто приезжать в храм втайне от королевы она не могла. Поиски стоило вести максимально тихо, а значит, заняться ими должен был кто-то другой.

Схватив первую попавшуюся книгу, Айя направилась к выходу. Глубина покорно следовал за ней, не спеша задавать вопросы.

– Как думаешь, служители Санкти подобреют ко мне, если я приведу в порядок хранилище их истории?

Ответа не последовало, но принцесса поняла это по-своему:

– Вот и я думаю, что вряд ли. Но попытаться стоит, верно? От одного доброго дела никому худо не будет. – Потерев нос, наследница чихнула еще раз. –

Подговорю Аарона, и он организует выездную уборку для учеников.

Неожиданно Айя остановилась.

– Подержи. – Она протянула охраннику книжку и, стряхнув с платья остатки пыли, твердым шагом направилась к единственному человеку в зале для молитв.

– Не знала, что ты предпочитаешь маленький храм городскому собору, – заметила принцесса, останавливаясь подле Мейсона. Как хорошо, что Джонас предупредил ее о желании брата посетить храм! Несмотря на запреты матери, Айя искала встречи со старшим драконьим сыном, считая, что в их ситуации один открытый разговор с глазу на глаз будет полезнее сотни дипломатических писем.

– Не знал, что наследница Орлов следит за мной, – донесся до нее тихий голос, и Айя хмыкнула.

– Я приехала раньше – может, это ты следишь за мной?

Мейсон оставил ее слова без ответа. Он не отрывал взгляда от стеклянного купола, разглядывая узор на выпуклом стекле. Его губы слегка шевелились – молодой человек молился. Айя отступила на шаг, исподтишка разглядывая соперника.

«Отчего Санкти столь несправедливы?» – подумала принцесса. В отличие от Джонаса, Мейсон получил от жизни все, о чем только можно мечтать. Старший ребенок в уважаемой семье, которая идет на пару с властью даже без монаршей короны. Одаренный маг воздуха – стихии, которую считают основой самих Владык. У Мейсона было бледное лицо и низкий, спокойный голос. От родителей он унаследовал стать и благородство, голубизну глаз и светлые, как у младшего брата, волосы. На старшего наследника Драконов было приятно смотреть, и еще более приятно слушать. На Мейсона возлагались огромные надежды, от чего буйно цвела его неуемная гордость. И словно этого ему было мало – теперь Мейсон мечтал о короне.

– Раз не прошла мимо, значит, хочешь что-то сказать? – заметил он, закончив свою молитву.

– Не лезь в петлю, Мейсон. Ты должен понимать, чем рискуешь, желая сесть на трон.

Драконий сын с легким выдохом опустил голову и развернулся к Айе. В его глазах мелькнул интерес, а безразличный голос ожил.

– Угроза? – легко спросил он.

– Просьба, – пояснила принцесса. – Глава Драконов не поддержит тебя. Не рассчитывай и на помощь Куниц – они живут в спокойствии и достатке, оттого не захотят менять что-либо. Мой отец считает господина Маттео родным братом; ты ему тоже не чужой человек. Не ставь под угрозу узы между нашими семьями. Приди к королю сейчас, и мы решим все мирным путем.

– Ты забыла Медведей.

– Конечно, нет, – уступила Айя. – Они могут стать на твою сторону. Но что тогда? Медведи – лишь одна семья из четырех. Если они поддержат тебя, ты сможешь объявить о своем желании занять трон. Следуя протоколу, в течение месяца после твоего заявления соберут Большой совет. Начнутся долгие бесполезные споры, которые в итоге сведутся к голосованию. Ты окажешься в меньшинстве. Но даже если ты чудом получишь достаточное количество голосов, я не оставлю тебя в покое. У меня как у нынешнего престолонаследника есть право потребовать решающего поединка. Мы выясним, кто из нас сильнее, и на этом твой путь к трону закончится. Неважно, заберет ли Навис перед поединком твою силу или нет – я выиграю.

Айя ждала ответа, кажется, целую минуту, но Мейсон молчал. Не похоже было, что ее слова достигли цели. Принцесса осторожно добавила:

– Ты не хуже меня знаешь историю. Каждая смена правящей семьи влечет за собой волну последствий. От нее пострадают простые люди – те, кто меньше всего виноват в сложившейся ситуации. Ты действительно этого хочешь?

– Маленькая принцесса заботится о народе… – начал Мейсон, едва размыкая губы. Слова прозвучали, будто отдаленное эхо. – …который не желает видеть ее на троне.

Старший драконий сын перевел на Айю холодный взгляд. От него принцессе стало неуютно – чувство безопасности и некого родства с этим человеком растаяло в одно мгновение. Мейсон воспринимал свою победу в Представлении серьезно – это Айя знала и раньше, но прочувствовала только сейчас.

– Удивительно, как с такой пеленой на глазах ты ходишь, не утыкаясь носом в стены, – сказал Мейсон. – Когда в последний раз ты обращала внимание на страх во взглядах подданных? Что знаешь о реальном положении дел? Народ, о котором ты печешься, желает королю-орлу долгих лет жизни, лишь бы не застать дней твоего правления. Люди молят Владык, чтобы они послали тебе супруга с железными руками; мечтают о дне, когда он переломит либо твою проклятую силу, либо твою шею. Каждую ночь, засыпая, маги боятся проснуться от запаха гари, от крика своих детей. Ты права, страдают всегда невиновные. Но если ты получишь корону, кто защитит их от тебя?

Обида вспенилась в крови, и от досады Айя прикусила щеку изнутри. С языка рвались сотни слов – молниеносные колкие ответы на горькие обвинения, – но принцесса сдержалась. С Мейсоном она будет говорить не как девчонка, которая в детстве бегала за ним с палкой, а как наследница Орлов; единственная, кто не уступает Дракону в силе.

– Ты зря опасаешься дней, которые никогда не настанут. – Мейсон в удивлении приподнял брови, и Айя пояснила: – Проклятый огонь никогда больше не пройдет по этим землям. А если и настанет тот час, когда он родится в моих ладонях, – принцесса обернулась к Глубине, указывая на охранника, – я умру от его руки раньше, чем заберу чью-то жизнь.

Если Мейсон и удивился, то не подал виду. В полной тишине драконий сын повернулся к принцессе спиной и отошел к стоящему в тени стулу, на котором калачиком свернулся его защитник. Навис поднял продолговатую голову, подставляя ее под руку хозяина. Пока пальцы скользили по его чешуе, дракон не сводил хищных глаз с лица Мейсона – Айя была уверена, что между ними шел немой диалог.

– Власть одного рода не может длиться вечно, – после долгой паузы сказал Мейсон. – Как бы ты ни старалась доказать обратное, время Орлов подходит к концу. Мне не нужна помощь других семей, чтобы получить корону. Требуй свой поединок, принцесса, – мужчина обернулся к Айе, – я согласен решить все по древним законам, не полагаясь на шар Анте.

Айя понимала, что разговор окончен. Мейсон принял решение. Теперь для него ее слова не имели никакого значения.

– Прости, что прервала твою молитву, – сдалась принцесса. – Не откладывай визит в замок. – Айя приняла от Глубины легкую накидку и, уходя, бросила через плечо: – Раньше сразимся – раньше проиграешь.

* * *

Обратная дорога проходила в полном молчании. В окне кареты мелькал однотипный городской пейзаж: дома с остроконечными крышами и узкими окошками, мощеные дорожки и размытые силуэты прохожих. На улице было жарко – горячий воздух опалял щеки, но принцесса не спешила закрывать окно. Айя выглядела подавленной – ее рассеянный взгляд застыл на бархатной шторке. Глубина сидел напротив, молча наблюдая за спутницей.

Внутри рос ком опасений. Охранник понимал, что битва, которую принцесса пообещала драконьему сыну, не сулит ему ничего хорошего. Не стоило сомневаться – королева, узнав о случившемся, в первую очередь обвинит его. «Не отговорил, не увез» – у матери принцессы хватит доводов, чтобы испортить ему жизнь.

Но одно дело – призрак грядущей битвы, которая может и не состояться, а другое – слова, сказанные принцессой в храме.

«Я умру от его руки раньше, чем заберу чью-то жизнь».

Почему Айя рассказала Мейсону о договоре между ними? Она хранила их соглашение в тайне два года и сегодня впервые заговорила о нем, но не с лучшим другом, который мог пожалеть ее; не с матерью, которая тотчас бы лишила охранника жизни. А с Мейсоном – старшим наследником Драконов, который невзлюбил ее еще с тех времен, когда принцесса бегала по его дому в детском платье с рюшами и сжигала все игрушки, до которых могла дотянуться.

Долор не знал ответа, и его опасения крепли, будто сырая глина в печи. Пальцы сами собой потянулись к Ям-Арго.

* * *

Кучер довез их до городской школы, несмотря на то что до занятий с профессором оставалась еще пара часов. Едва карета остановилась, Айя ожила – вышла на улицу, сделала несколько глубоких вздохов, будто набираясь сил перед важным делом, и наконец пояснила, что они делают здесь так рано:

– Одно из достоинств моего кузена-директора – он одержим работой. Можем поспорить на ящик авальтисского вина, что Аарон сейчас в кабинете. Пойдем. Разговор с Мейсоном не убавил моего желания привести архив храма в порядок.

Дорога к главному корпусу школы вела через сад, где пару дней назад маги отмечали день Представления. Сейчас у статуй защитников было безлюдно – стылая тишина вокруг монолитных гигантов казалась Айе куда более правильной, чем праздничный гомон. Принцесса, неожиданно остановившись у каменного Дракона, с чувством пнула ногой статую, после чего направилась дальше как ни в чем не бывало. Глубина растянул губы в невольной улыбке, радуясь, что сейчас Айя не видит его лица.

В школе наследница прошла мимо коридора, ведущего в кабинет директора, и поднялась по лестнице на четвертый этаж, к ярко освещенному холлу. Здесь свечей никогда не жалели – дорога к донуму не охранялась и была доступна каждому, но сама дверь внутрь древа анимы, растворившись после прошедшего Представления, не появится до следующего года. Когда до зала осталась пара шагов, вопрос почти сорвался с губ Долора, но Айя свернула налево, в коридор. Как и в злополучный день Представления, он был пуст. Гости прошли мимо кладовки, где дочь короля едва не простилась с жизнью. Еще один поворот, и принцесса остановилась у высокого окна, из которого открывался вид на старые теплицы.

– Смотри, – сказала Айя, и в голосе ее чувствовались, по меньшей мере, два дна. Ступишь на одно, ожидая твердый песок, и провалишься дальше, с головой уходя под воду.

Глубина выглянул в окно, и взор его потемнел. С четвертого этажа было хорошо видно теплицы, рядом с которыми трудился десяток магов. Охранник узнал их по белой форме с темно-зелеными рукавами – служители Травного Камня, организации, которая снабжает Белую лечебницу лекарственными растениями. Лучшие маги с земным даром, которые безбедно жили за счет королевской казны, сейчас хлопотали вокруг привезенных растений. У теплиц стояло много кадок с землей, ведер с чистой водой, и запах сырой почвы и сочной зелени дотягивался аж до окна, где замер Долор.

– Никогда не думала, что мое покровительство над Травным Камнем окупится. – Айя слегка покачала головой. – Теплицы восстановят быстро. На растения уйдет чуть больше времени: некоторым видам вьюнков сложно прижиться в новой земле. Все расходы я оплатила сама – директор, конечно, не поверил в мое благородство и решил, будто я задабриваю его… что тоже правда. – Принцесса позволила себе ухмыльнуться. – Исправить то, что под силу, – моя обязанность. Ты ведь этого ожидал, указывая на мою оплошность?

Долор не ответил. По его мрачному лицу Айя поняла, что кипящая работа вокруг теплиц отнюдь не обрадовала его – наоборот, Глубина выглядел так, будто она не исправляла содеянное, а повторила сожжение с большим размахом.

«Сначала Мейсон, теперь он. Почему люди, с которыми я пытаюсь наладить отношения, остаются равнодушными к моим словам и поступкам?»

– Тео, – осторожно окликнула его принцесса, и на лице охранника проступило удивление. Она знала, что рискует, произнося его настоящее имя. Переходит давно установленную черту дозволенного; требует больше, чем сама согласилась получать. – Я лишь показываю, что не забыла о случившемся. Я понимаю, что оплошала, и хочу все исправить…

Но Глубина едва слышал ее слова. Собственное имя, будто холодный кисель, растекалось по макушке.

«Она не имеет права» – стучало в его голове наряду с «Это всего лишь имя».

Охранник потянул носом – всего одно слово, но оно, будто рыболовный крюк, выволокло из недр памяти воспоминание. Плотная пелена застила глаза. Мгновение – и нет рядом принцессы. Только Мод.

«Тео-Тео-Тео» – Мод напевает его имя, растягивая гласную «о». Она катается на качелях, весело болтая ногами; ее рыжая коса расплелась, и ветер бросает копну волос в веснушчатое лицо. Солнце играет на плечах медвежьей дочери расплавленным золотом. Тео не может отвести от нее взгляд, боится моргнуть, но убеждает себя, что это от волнения – вдруг она свалится с качели, вон как высоко взлетела!..

Мужчина закрыл глаза, мечтая вернуться в тот день; застыть в нем, вычеркнуть из жизни все, что было после. Избавиться от Глубины, вырвать его из сердца и вновь стать влюбленным пятнадцатилетним мальчишкой. Вот бы время умело поворачиваться вспять…

Пока его мысли были где-то далеко, Айя все говорила, хмуря брови, сжимая до белизны костяшек складки платья в руке. Ее губы шевелились, но Тео не слышал – он все еще находился там, в солнечном дне, в своей счастливой жизни.

«Мод, останься, прошу», – молил он, но Владыки были немы к его желаниям.

– …я пыталась помочь слабому другу достойно выступить на Представлении. Я спалила теплицы ненамеренно. Неужели ты не понимаешь этого? – допытывалась Айя. Ей было больно видеть отсутствующий взгляд Глубины, обидно от его молчания. Не выдержав, она схватила охранника за руку выше локтя и закричала:

– Тео!

Произнесенное второй раз имя обрушилось на него как ушат ледяной воды на голову; он часто заморгал и наконец обратил внимание на нервную принцессу. Одним движением стряхнул ее пальцы со своей руки и прижал ладони к вискам. Голова раскалывалась; желание сию же секунду убраться подальше от принцессы становилось непреодолимым. Айя, увидев, что Глубина наконец вышел из оцепенения, выпалила со злостью:

– Сколько еще ты будешь меня наказывать? Что мне нужно сделать, чтобы ты перестал видеть во мне врага, которому вынужденно служишь? Ну же, Тео, ответь!

Айя использовала его имя вновь и вновь, как иглу, способную пройти сквозь толстую кожу. Но увидев, что результата это не дает, мрачно добавила:

– Я приказываю.

В воздухе будто лопнул туго натянутый трос – на лице Глубины проступила жгучая ненависть. Он выпрямился, свел стопы вместе, а правую руку спрятал за спину. Точь-в-точь вышколенный стражник короля, только без соответствующей формы.

– Как будет угодно принцессе, – чеканя каждое слово, ответил он. – Наш уговор – единственное, что держит меня рядом. Как только по вашей вине умрет человек, я заберу вашу жизнь. В теплицах никого не было, значит, вы продолжите жить. Судьба растений меня не интересует.

– Я надеялась, что со временем ты простишь меня. Станешь другом, – призналась Айя. Чувство неудачи накрыло ее с головой, куда сильнее, чем после провального разговора с Мейсоном.

– Я не завожу друзей-убийц, Ваше Высочество.

Разговор был окончен. Наблюдая, как отрешенно охранник ждет ее указаний, принцесса пожалела, что вообще открыла рот. Прошли бы мимо окна молча, и починка теплиц выглядела бы в его глазах иначе. А теперь… теперь она сама все испортила.

Дальнейший их путь к директору, как и разговор и приевшийся урок, она едва запомнила. И после, дома, Айя долго не могла уснуть, коря себя за неравнодушие к человеку, который никогда не ответит ей взаимностью.

4. Одна беда

Дни проходили незаметно, появляясь и исчезая так же быстро, как сгорает бумага в огне. Айя проводила все свободное время за изучением отчетов, которые приходили из школы. Кузен Аарон оказался верен своему слову – на

следующий день после их уговора ученики начали приводить архив в порядок. Айя настояла на том, чтобы скрыть свою причастность к выездной уборке. Директор не стал удивляться и задавать вопросы – он обожал потакать прихотям кузины. За отдельную плату, разумеется.

Принцесса устало листала очередной список. Перепись объектов строительства растягивалась на сотни страниц. В отличие от перечней из главного собора, эта была составлена безо всякой системы. Ученикам оказалось не под силу организовать сведения хотя бы по хронологии, а архивариус, который мог бы справиться с заданием, потребовал до нелепого много времени. Просить искать определенный храм Айя не могла – об этом рано или поздно все равно доложат королеве. Пусть лучше мать получит длинный перечень сооружений, нежели сведения об одном-единственном.

Потому и приходилось просматривать списки самой. До рези в глазах вчитываться в описания, надеясь заприметить схожие с ее сном ориентиры; не терять веру, когда очередной документ оказывался бесполезным, и не слушать голос сомнений, нашептывающий, что ее старания напрасны.

Со дня злополучного разговора в храме прошла неделя. Решение по поводу Мейсона еще не было принято. Он так и не предстал перед королем, но, судя по беспрерывно прибывающим в замок участникам Большого совета, старший драконий сын о своем праве на трон все же заявил. Сейчас Айя никак не могла повлиять на ход назревающего голосования – принцессе запретили вмешиваться в дела совета. Но ее мать не теряла времени – королева целыми днями находилась в обществе советников. Айя не сомневалась, что матушка будет сражаться с Мейсоном за каждый их голос, даже когда ненависть к оным наполнит чашу ее терпения до краев.

За спиной тихо скрипнула дверь, и по полу библиотеки пробежал луч света. Айя вскинула голову, возмущенная тем, что охрана ослушалась приказа никого не впускать. Был бы на их месте Глубина, подобного бы не произошло, но ее страж уехал два дня назад с позволения королевы. Айе не знала, какие именно сведения о ней он донес матушке в обмен на разрешение – после ссоры у теплиц Тео замкнулся в себе пуще прежнего. Все эти дни напряжение между ними было до того ощутимым, что сейчас принцесса впервые на своей памяти радовалась отсутствию Долора.

В дверном проеме показалась голова Джонаса, и Айя устало вздохнула. Драконий сын счел это приглашением и аккуратно закрыл за собой дверь, обрывая поток света.

– В темноте сидишь, – заметил Джонас, присаживаясь на пол возле подруги. Он давно привык к странной привычке Айи: игнорировать стулья она начала еще в глубоком детстве.

– Мне и так видно, – устало ответила она. Принцесса указала рукой вверх, и к синему огоньку над ее головой прибавились еще три. Стало светлее. Глаза наследницы в холодном свете выглядели безжизненными, глубокие тени от огоньков состарили юное лицо. Джонас чуть нахмурился, а затем, немного робко, накрыл ладони подруги своей рукой.

– Я беспокоился за тебя. С последней нашей встречи ты не написала мне и строчки. Понимаю, что сейчас не лучшее время для визитов, но все же, – младший сын Драконов запнулся, – ты скрываешь что-то от меня, Айя. Неужели это обида?

– Кого же ты в состоянии обидеть, чучело… Расселся на полу в светлом костюме. Точно чучело, – повторила Айя, скрывая смущение. Но Джонас не дал увести тему в другое русло. Он хотел знать, что происходит и, более того, чем он может помочь. Вина грызла его с самого Представления, и желание хоть частично оплатить долг придавало смелости.

– Поделись со мной. Разве не ты говорила, что с самой легкой проблемой справится один, а с остальным – только двое? Ты не можешь опекать меня и думать, что в нужный миг я не приду к тебе на помощь. Я ведь прав? – мягко поинтересовался Джонас, даже не думая обвинять подругу, и тут же замолчал. В полумраке библиотеки драконий сын увидел, как треснула маска уверенности на лице принцессы, и сквозь эти прорехи просочились сомнения. Айя шмыгнула носом, затем еще раз, и, выдавив из себя пару нечленораздельных звуков, уткнулась ему в плечо. В тишине библиотеки всхлипы наследницы звучали слишком громко – Джонас нервно оглянулся, гадая, слышно ли их за дверью.

– Ты расскажешь мне, что тебя мучает? – спросил юноша, и Айя, пряча глаза, медленно отстранилась. Принцесса обняла руками колени, словно ей было холодно. Опустив голову, она выдавила глухое «да».

* * *

Огонь над головами друзей мерцал, безразличный к чужим тайнам. Айя скупо описала Джонасу разговор с его старшим братом, умолчав о проблемах с Глубиной. Увиденное в донуме принцесса пересказала до последней мелочи – ей хотелось, чтобы Джонас поддержал ее в поисках храма.

К концу рассказа драконий наследник не мог выдавить из себя и слова. Айя терпеливо ждала его реакции, надеясь, что друг не посчитает ее сумасшедшей.

– Разве такое возможно? – прошептал он. – Ведь Мертвое море, оно… есть, – попытался объяснить свою мысль Джонас, ощущая себя идиотом. – Никто никогда не видел его конца. Ни один рыбак не заплывал дальше тени от хвоста Владыки; никто не видел суши по ту сторону и тем более храма, построенного на воде. – Джонас провел ладонью по лбу, смахивая капельки пота.

– Я видела пустошь вместо моря, – поправила его принцесса.

– Возможно, тебе просто привиделось? Тогда ты едва не лишилась магии, – предположил Джонас, но Айя не сдавалась:

– В тебе и вовсе нет магии. Ты хоть раз видел что-то похожее?

Драконий сын покачал головой, удивившись явной надежде, прозвучавшей в голосе принцессы.

– Эта суша, она существует, – продолжала убеждать Айя. – Как и увиденный мною храм. И ярость Санкти, когда я рассказала о видении Анте, только подтверждает мою догадку. Это…

– …слишком рискованно, – закончил за подругу Джонас. – Даже если он и вправду существует. Поиски того, что Владыки скрыли от наших глаз, не принесут ничего хорошего. – С каждым словом его голос набирал уверенность. – Тебе и так хватает проблем.

– Нельзя упускать этот шанс, Джонас, – отрезала принцесса. – Нам нужно оружие против служителей Санкти. Козырь в рукаве. Совсем недавно мы с тобой думали,

что учли все риски; что никто не заподозрит тебя в обмане. Но пришла Селена и, палец о палец не ударив, едва не выдала твой секрет.

– Почему ты уверена, что служители Санкти помилуют меня, узнав о спрятанном храме? – недоумевал Джонас.

– Если ты помнишь, двенадцать лет назад мне тоже грозил смертный приговор. Но я до сих пор жива. Мой отец убедил монахов, что именно пожар воскресил Владыку над столицей; что голоса Санкти звучали в моей голове и я, неспособная противостоять им, обрушила на город силу, которую они вложили в мои руки.

Принцесса вытащила с полки напротив две книги и поставила их на пол лицом к лицу, на небольшом расстоянии друг от друга. Небрежно взмахнув рукой, Айя окрасила страницы правой книги в белый цвет, а левой – в черный. Затем она подняла один из уже прочитанных свитков и без всякого сожаления смяла его в комок. Шарик бумаги в ее руках стал синим. Принцесса положила его между томами на равном удалении от обоих.

– Для монахов мы с тобой – всего лишь лист бумаги меж двух книг. Одна из них – Санкти, которым монахи служат. Другая – Тенебрис, которых они боятся. Если о первых мы знаем достаточно, то вторые, – принцесса опустила ладонь на переплет, закрыв длинными пальцами обрез, – до сих пор покрыты ворохом тайн. Когда монахи сталкиваются с неизведанным, единственное, что их волнует – какой книге принадлежит страница. Но вот беда, в голосе Айи зазвучала жестокость, – сравнить ее со страницами белой книги они могут, а с черной – не хватает знаний. Поэтому каждого не похожего на привычного мага человека они сочтут порождением Тенебрис.

Принцесса взяла в руки комок бумаги, и он снова стал белым.

– Связав пожар с воскрешением Владыки, отец окрасил меня в нужный цвет. С тобой я сделаю то же самое. – Айя перевела взгляд на друга. – Когда, узнав о твоем бессилии, тебя попытаются назвать порождением Тенебрис, ты расскажешь о храме. Соврешь, что ради шанса попасть в святилище Владык отдал им свою магию. И они согласились. Люди веками не слышали голос Санкти, – напомнила принцесса, – поэтому монахи захотят доказательств. Ты проведешь их в храм. Увидев святыню воочию, они раз и навсегда свяжут твое

имя с Владыками, и ты наконец сможешь жить без страха.

Джонас молчал. Он чувствовал себя неповоротливым увальнем, который не может передвигаться самостоятельно; глыбой, взваленной Айе на плечи. Собственная беспомощность давила на него, а страхи и опасения крутились в желудке снежной бурей. Его терзали десятки вопросов. Во что обойдутся подруге эти поиски? Что их ждет на пути к храму? И сможет ли принцесса в случае успеха манипулировать монахами так же искусно, как король?

Драконий сын хотел было отказаться от этой идеи, но к собственному ужасу понял, что не может произнести нужные слова. Надежда на удачный исход затеи костью встала поперек горла; шанс на нормальную жизнь ослеплял. Положив голову на колени, он обреченно пробормотал:

– Ты готовишься к тому, что еще не произошло.

На что Айя без раздумий ответила:

– Потому что знаю, чего стоит промедление.

* * *

Джонас точно не помнил, когда ложь стала неотъемлемой частью его жизни. Будучи ребенком, он говорил, что ему нравится невкусная запеканка, лишь бы не расстраивать матушку. Драконий сын боялся своего учителя по верховой езде, но заявлял, что ладит с ним, только бы не выглядеть хуже Мейсона в глазах отца. На любые расспросы о том, чувствует ли он отголоски крепнущей магии в руках, мальчик смело заявлял «да» – ему не хотелось казаться слабее часто бывавшей у них в гостях принцессы.

О том, что в нем нет силы Санкти, Джонас начал подозревать в шесть лет. В то время как Айя раз за разом выплевывала пламя изо рта, подражая драконам, он ощущал болезненную легкость в теле, словно был на десяток килограммов меньше своего веса. От юных магов не ожидали проявления дара раньше восьми лет, а за последний век сотнями исчислялись случаи, когда магия впервые появлялась к двенадцатому году жизни. Но, даже имея в запасе не один год, Джонас уже знал, что родился бессильным.

Он рассказал об этом Айе в ту зиму, когда она спалила юг столицы. Город тяжело пережил пожар, истинная природа которого до сих пор не была доподлинно известна. Король и монахи твердили о том, что не контролируемый принцессой огонь появился в ее руках по велению Санкти, и десятки смертей в ту ночь стали вынужденной платой за воскрешение Владыки. Многие верили в эту ужасную жертву. Однако среди народа ходило и другое мнение – о проклятой силе Тенебрис, подчинивших себе принцессу. О том, что Айя на самом деле не ребенок Владык и однажды все они погибнут от того, что дочь короля оставили в живых.

Помотав головой, Джонас еще раз перечитал абзац из книги, которую держал в руках:

Владыки создали своих детей, дав им все, что нужно для жизни: глаза, чтобы видеть путь; ноги, чтобы следовать ему, и магию, чтобы различить из всех путей единственно верный.

«В глазах Владык я, должно быть, неудачник, бредущий наугад», – зло подумал Джонас и швырнул книгу на стол.

– Я могу жить без магии, – твердо произнес он, скорее, пытаясь убедить самого себя.

Лацерна сонно подняла голову, услышав голос хозяина. Она спала на подоконнике, устроившись на черной подушке, точно рубин в окружении бархата. На тонких крыльях дракона причудливо танцевали отблески свечей.

– Ты – моя магия, – прошептал юноша, едва касаясь ее головы.

– Джонас! – Без предупреждения на пороге его покоев появилась Айя. Глаза принцессы лихорадочно блестели. Не мешкая, она протянула другу раскрытую на середине старую книгу.

– Вот тут, во второй колонке. – Дочь короля указала пальцем. – Прочти. – И, не выдержав, добавила: – Я его нашла!

Джонас пробежался глазами по тексту: «По настоянию Гласа Владык, с дозволения Великого короля Смора отдан указ о выделении средств на строительство храма для верующих… Строительство должно быть закончено в срок, не превышающий… Расположение храма… Распределение средств и рабочей силы поручено… выходец Медведей, Рамалис Тихий».

– Половину слов не различить. Сколько лет этому документу? – полюбопытствовал Джонас, рассматривая ветхие листы.

– Порядка пяти сотен. Вот тут, – Айя указала на страницу, где заканчивался перечень ответственных за строительство людей, – говорится про источник пресной воды неподалеку от выбранного места. А вот тут, – она перевернула страницу, – про необходимость материала, что не потеряет прочность от постоянного нахождения в воде.

Джонас вчитался в слова, на которые указывала подруга. И действительно – Айя почти слово в слово процитировала абзац, после которого следовало указание о назначении Рамалиса Тихого зодчим.

– Я никогда раньше не слышал о храме на воде, – немного погодя сказал сын Драконов, чувствуя, как на него уставились две пары глаз. Лацерна окончательно проснулась.

– На континенте нет ни одного сооружения, которое будет пачкать пресную воду. Запрет на подобное строительство действовал и сотни лет назад, правда, к причалам и мостам не было столько требований, как сейчас.

– Откуда ты знаешь это? – сощурился Джонас. Айя лишь неопределенно пожала плечами, польщенная его замешательством. Принцесса опустилась на пол у подоконника, плечом задев хвост Лацерны. Дракониха недовольно зарычала.

– Я думаю… нет, уверена, что это мой храм.

– Собираешься идти к Медведям?

Принцесса замялась.

– В книге только сведения о заказе. В архивах Медведей наверняка есть и другие записи, если не о постройке самого храма, то хотя бы о его зодчем. Только вот, – Айя запнулась, – для медвежьей семьи я не самый желанный гость.

Повисла пауза. Молчание принцессы было до того красноречивым, что Джонас не выдержал и закатил глаза.

– Хочешь, чтобы я пошел к ним? Предположим, я напрошусь в гости. Думаешь, после угощений и вежливых бесед меня сразу проведут в семейных архив по первой просьбе? Понадобится серьезная причина, чтобы Медведи пропустили меня дальше гостевых комнат.

– Или хороший отвлекающий трюк… – пробормотала Айя, а потом громко добавила: – Я что-нибудь придумаю.

Неожиданно щелкнув по носу Лацерну, девушка ловко увернулась от ее челюстей и поднялась на ноги.

– Есть хочу, – объявила принцесса, открывая дверь. – Глен, передай на кухню, пусть принесут нам еды.

Джонас вытянул голову, рассматривая того, к кому обращалась принцесса. Сегодня вместо Долора ее сопровождал другой охранник – крупный мужчина с загорелым лицом и коротким ежиком пшеничных волос. Он был одет в форму королевской стражи с одним лишь дополнением – черными перчатками на руках. Старый обычай среди охраны монарших семей – слуга, переживший своего хозяина, таким образом соблюдает бессрочный траур по почившему господину. Хватало только одного взгляда на Глена, чтобы понять: он будет носить эти перчатки в память о старшем наследнике Орлов даже когда оставит службу в королевской страже.

– Долор опять уехал к Солнечным холмам? – поинтересовался Джонас.

Айя молча кивнула. В который раз Глубина вырвался из душащих его стен замка в родные края.

* * *

Принцессу не единожды злило то, что старик профессор отказывался проводить уроки за пределами школы. Повлиять на Альреса она не могла – все решения по поводу занятий принимались им односторонне и без права обсуждения. Сместить старца с должности Айя пыталась минимум трижды, но безуспешно – профессора ей назначил Совет служителей, и мать категорически запрещала вступать с ними в споры. Потому возможность уволить Альреса умерла еще в покоях королевы, а сама принцесса стискивала зубы покрепче и отправлялась на очередное занятие.

Задание не менялось: двадцать шаров, которые чудом не посещали ее в кошмарах, должны были оказаться выше своих стеклянных подставок. После чего профессор атаковал – каждый раз по-новому, заставляя принцессу «разделить» внимание. Если она выдерживала, добавлялось третье действие: одновременно удерживая шары в воздухе и отражая чужую атаку, Айя должна была наизусть декламировать стих. Чем длиннее и сложнее, тем лучше. Шары при этом запрещалось сдвигать и на полшага. Детская тренировка, сотням вариаций которой подвергают школьников на первом курсе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/mirum_yuta/epoha-pepla

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить